

ВНИМАНИЕ: СЕРИАЛ!

Андрей Анисимов

БЛИЗНЕЦЫ

НЕВЕСТА ХРИСТОВА

Близнецы

Андрей Анисимов
Невеста Христова

«Автор»

2005

Анисимов А. Ю.

Невеста Христова / А. Ю. Анисимов — «Автор»,
2005 — (Близнецы)

Солидный бизнесмен просто исчез, и ни партнеры по фирме, ни отчаявшаяся жена не имеют ни малейшего представления, где он может находиться... Сын богатого эстонского фермера, уехавший в Москву на встречу с «невестой по переписке», не вернулся – и вот уже несколько месяцев не дает о себе знать... Частный детектив Ерожин буквально разрывается между двумя этими делами – пока в какой-то миг случайная зацепка не наводит его на мысль, что исчезновения двух столь разных людей, возможно, как-то связаны между собой... Главное – понять, как...

© Анисимов А. Ю., 2005

© Автор, 2005

Андрей Анисимов

Близнецы 8. Невеста Христова

Москва 10 мая 2001 года

Станислав Васильевич Тихомиров смолил не переставая.

В дежурке, как в пироге с начинкой, дым застывал слоями. Вадим Ключицын сперва морщился, потому что не курил, потом привык и перестал замечать. Победно заканчивая седьмую партию, Станислав Васильевич плотоядно потер руки:

– Раз, и наши в дамках. Учись, салага, пока я жив.

Ключицын зевнул и с обреченным видом принялся расставлять шашки для очередной баталии. Победы противника не слишком задевали его самолюбие. Понятно, что, отслужив в милиции больше десяти лет и дежуря по два раза в неделю, Тихомиров в шашках поднаторел. Вадим посмотрел на часы. Стрелки показывали десять минут третьего. Не так молодой медэксперт представлял свое первое дежурство. Он вздохнул и сделал первый ход в новой партии.

Накануне Ключицын весь день пребывал в приподнятом настроении и изрядно волновался. Ему представлялись страшные картины искалеченных бандитами жертв. И он по нанесенным увечьям определяет, как они были убиты. Мало того, его заключение помогает следователю быстро задержать преступников. А на самом деле они с криминалистом уже шесть с половиной часов бьются в шашки. Скоро утро – и ни одного происшествия.

– Чего зеваешь, салага? Я опять в дамки проскочил. Нарочно подставляешься? Мы же не в поддавки играем, – пристыдил Ключицына Тихомиров.

– Станислав Васильевич, и часто мы так будем сидеть?

– Как сидеть? – Не понял криминалист.

– Как сегодня. Всю ночь ни одного вызова...

– А, вот ты о чем? Труп не терпится пощупать, салага, – оскалился Тихомиров: – Не бойся, нагладишься, еще тошнить будет. Обычная история – одно дежурство томишься от безделья, а на другом молишь Бога о передышке. Ты не спи, давай ходи.

Но сделать ход Ключицыну не удалось. По рации объявили о выезде. Тихомиров неспешно отправился в туалет облегчиться на дорожку, а Вадим еще раз осмотрел свой чемоданчик и бегом помчался вниз. Следователь Володин и кинолог Антонов уже сидели в машине. Овчарка Тибет тяжело дышала, вывалив розовый язык, и на Вадима не обратила внимания. Зато Володин, оглядев Ключицына недобрым взглядом, поинтересовался:

– Ты откуда взялся такой?

– Наш новенький медэксперт. – Ответил за парня Антонов: – Сегодня у него первый выезд.

– Ну, ну... Молодо зелено и все такое... – Сквозь зубы процедил следователь и отвернулся к окну. Тихомиров уселся в машину последним:

– Пива сегодня не пил. А отливаю каждый час.

– Простату лечить надо, товарищ майор.

– Причем тут простата? – Обиделся Тихомиров.

– Это проблема всех старых кобелей. Правда, Тибет?

Пес скосил уши и подобострастно посмотрел хозяину в глаза. Кинолог ухмыльнулся и похлопал собаку по загривку:

– Все понимает, шельма...

По ночной Москве они через десять минут добрались до места. Небольшой парк отделял огромное здание Медицинского центра от Каширского шоссе. Недалеко от главного входа топталась группа людей в белых халатах, а на асфальте лежала девушка. Она лежала на спине,

словно прилегла отдохнуть. Ничего трагического в ее позе Ключицын не заметил. И лишь один туфель на высоком каблуке сиротливо валялся на асфальте, метрах в десяти от тела.

Молодой лейтенант, сдерживающий народ на некотором расстоянии, козырнул Володину. Тот кивнул постовому и склонился над девушкой:

– Нам тут делать нечего. Типичный наезд и все такое... ДПС надо было вызывать, а не нашу следственную бригаду.

– Не я вызывал. Доктора из центра шум подняли. Это их сотрудница. – Оправдывался постовой: – Они и смерть констатировали.

– Ладно, давайте, ребята, работать, раз приехали. Новенький, как там тебя?

– Лейтенант мед службы Вадим Ключицын, – отрапортовал начинающий медэксперт.

– Ключицын так Ключицын. Осмотри потерпевшую, ну и все такое... – Бросил Володин и пошел опрашивать свидетелей.

Тибет покрутился возле трупа и жалобно заскулил.

– Пес следа не чует. – Пожаловался кинолог и увел собаку.

В машине Ключицын вспоминал практические занятия в институте, что и зачем нужно делать. Но на месте сразу все забыл. Потянулся взять лежавшую за руку и пощупать пульс.

– Подожди, не трогай! – Крикнул криминалист и щелкнул фотоаппаратом.

Вспышка осветила нежные черты девушки, и сережка в ее ухе сверкнула. Ключицын вздрогнул. Лицо покойницы с открытыми глазами было прекрасно. Она смотрела в ночное небо и, казалось, любовалась звездами. И только кровь, залившая асфальт под ее затылком, говорила о трагедии.

– Может, она сама под машину бросилась? Неразделенная любовь и все такое. – Долетел до Вадима голос следователя и ответ одной из женщин, с которыми он беседовал:

– Господи, она замуж собиралась. Такая счастливая бегала...

– Вот и добегалась. Машин-то ночью нет, как ее угораздило...

Ключицын тряхнул головой, раскрыл свой чемоданчик и принялся за работу. Эта была первая насильственная смерть в его профессии, и она выглядела вовсе не так, как он себе представлял. На страшные, изувеченные бандитами жертвы девушка у медицинского центра на Каширке вовсе не походила.

* * *

10 Июля 2004 года

«Любимая, мы проговорили всю ночь, а я пришел на работу и чувствую, что не досказал главное... У тебя бывало так, ты чувствуешь себя одной во всей вселенной. Понимаешь, любимая, у тебя все есть. Есть машина, деньги, даже какая-то власть над людьми, а ты один. От этого жуткого одиночества хочется выть. Выть как волк на луну. Потому что когда ты одинок, все это не нужно. Не нужны деньги, не нужна власть. Даже собственный успех кажется абсурдом. Все обман, потому что ты ни с кем не можешь все это разделить. А еще страшнее, когда ты одинок вдвоем. Человек живет рядом с тобой, а ты все равно один. Мне говорят, а долг перед семьей, перед ребенком? Все это пустые слова. Можно исполнять этот долг, не испытывая ничего, кроме скуки. Делиться деньгами нетрудно. Хочется делиться душой. Понимаешь меня, любимая? А делиться душой возможно только с родным близким существом, которое понимает любой твой порыв. Радуетя твоей радости и сочувствует

твоей боли. Я счастлив, что нашел в тебе такое существо. Люблю тебя и молю Бога, чтобы он быстрее соединил нас».

Твой Песик

* * *

12 Июля 2004 года

«Мой милый, добрый, единственный любимый Песик, я тебя очень хорошо понимаю. Эти слова будто я сама сказала. У меня все так и было, пока в мою жизнь не вошел ты. Тот был красивый, но такой пустой, как резиновый мяч. Я пыталась говорить с ним, а мои слова отскакивали, как отскакивают пальцы от стенок надутого шара. Мне казалось, что он не видит меня. Не замечает моей красоты, не ощущает моего душевного тепла, которым я пыталась его согреть. Я с ним рассталась. Он даже не понял почему. Ведь он давал мне денег столько, сколько я попрошу. А зачем они мне? Теперь все по-другому. Хотя тебя нет рядом, я живу на одной земле с тобой. Дышу одним с тобой воздухом. Я вся принадлежу тебе. Моя упругая юная грудь, и мои стройные ноги, и волосы, и лицо. Вся целиком. Я чувствую и понимаю каждый твой порыв. Когда я думаю, что ты далеко и я не могу прижать твою прекрасную голову к своей груди, утешить тебя и вылечить от этого ледяющего одиночества, что владеет тобой, я плачу. Я знаю, что мы скоро встретимся и будем счастливы. Потерпи совсем немного. И спасибо за перевод, но ты слишком меня балуешь».

Твоя Лана

* * *

Санкт-Петербург 10 октября 2004 года.

– Ты думаешь, он в командировке? Он с очередной шлюхой на пляже за кордоном. – Глаза Павла сверкали ненавистью. Лицо мальчика порозовело, и белесый пушок над верхней губой проступил отчетливее.

– Не смей так говорить об отце. Ты еще слишком мал и глуп! – Истерическим тоном потребовала Полина.

– Сама дура! Ты что, слепая или притворяешься!? Почему ты с ним не разведешься? Тебе нравится бегать с рогами... Он же тебе все врет.

Женщина открыла рот, чтобы закричать. Она даже замахнулась на сына, но внезапно поникла, упала в кресло и заплакала.

– Ну что, я прав? Прав? Прав? Он опять наврал, что в командировке?

Полина не слышала. Она затараторила быстро, словно самой себе:

– Хорошо сказать – разведись.... А квартира, а дача? А жить на что? Я ведь ничего не умею. На что тебя учить? Ты же учиться не хочешь. Тебе ставят пятерки за его доллары. Ты прогуливаешь школу, и учителям приходится платить, чтобы тебя не выгнали.... Ах, Павлик?! Что ты знаешь о жизни? Тебе все кладут в рот готовым. А ты только хамишь и бездельничаешь. Был бы он настоящим отцом, порол бы тебя как сидорову козу, может, и стал бы ты человеком. А я не могу. Я слабая женщина. Я даю тебе деньги. А ты еще смеешь называть мать дурой.

– Поехала... Вы друг друга стоите. Ты живешь с ним ради денег, он живет с нами по привычке. Тоска. – Поморщился Павел и ушел в свою комнату. Полина не шелохнулась. Она

замолчала, и повернулось к окну. К большому зеркальному стеклу прилип листик клена. Его прилепил ветер, предварительно смочив холодным октябрьским дождем.

По существу ей возразить сыну нечего. Хотя сын прав только отчасти. Да, она живет с мужем, чтобы не лишиться материального благополучия. Хотя квартира записана на нее, а дачу по суду можно разделить. Но Полина не стерва – суды, скандалы не ее стихия. Да и Сергей никогда не был сволочью. При разводе он, наверное, не стал бы выдирать у нее все. Но что дальше? Одинокая тридцатилетняя женщина с подростком на руках? Полина боялась остаться одна. Как жить совсем без мужчины? Богаткин ей хоть и изменяет, но она ему не противна. Муж часто по ночам не дает ей спать. Бывает, на него находит особая жадность и тогда он доводит ее до изнеможения. После таких ночей Полина долго валяется в постели и чувствует себя почти счастливой. Она подозревала, хотя и боялась признаться себе самой, что у мужа появилась другая женщина. Раньше если и изменял, то между делом. Богаткин любит женщин и не пропустит случая, если подвернется смазливая шлюшка. Но сейчас что-то иное. И что странно, эти последние два месяца до отъезда все вечера он проводил дома. Сидел в своем кабинете, стучал по клавиатуре компьютера. В спальню являлся к рассвету. Полина притворялась спящей. А он так и не засыпал до утра. Лежал и смотрел в потолок. Она однажды спросила у него: «Сережа, у тебя неприятности?». – «Нет, все замечательно», – ответил Богаткин и улыбнулся странной отсутствующей улыбкой. Потом уехал. Его нет уже три недели и ни одного звонка. Так впервые.

Полина вытерла слезы, встала и огляделась. В квартире сделалось сумеречно. Осенний день короткий, а света она не зажигала. Зал с двумя люстрами, роялем из темного ореха и итальянским гарнитуром «под старину» выглядел пустынно и мрачно. Словно номер отеля, из которого отбыли постояльцы. Такие же квартиры и у друзей Богаткина. Дорогие, скучные, словно живут в них люди-роботы или временные квартиранты. Без своих вкусов, привычек и милых мелочей... Полина подошла к роялю, открыла крышку и пробежалась пальцами по клавишам. Она окончила музыкальное училище и когда-то неплохо играла. Поначалу, когда вышла замуж, Богаткин часто просил ее сесть за инструмент. Особенно, когда приходили гости. Он и его друзья в серьезной музыке смыслили мало, но мужу льстило, что его жена пианистка. Потом ему это наскучило, и она играла, когда оставалась одна. После рождения Павла играть перестала вовсе. И сейчас звуки рояля показались ей здесь странными и ненужными... Аккорды повисели под потолком зала протяжным рокотом и смолкли. Она прошлась по квартире, так и не зажигая света, заглянула к сыну, который играл в компьютер и даже не оглянулся, и отправилась на кухню. На кухне она свет зажгла. Огромная кухня в пластике под мрамор сияла чистотой, лишь кружка Павла и недоеденный бутерброд с копченым мясом разрушали парадную картину. Остаток трапезы сына хоть и диссонировал со стерильностью помещения, но все же вносил некоторую жизнь в холодный, словно выставочный интерьер блока питания четы Богаткиных.

– Господи, как в могиле... – Вздохнула Полина и позвонила подруге.

– Привет, Богаткина. Ты где? – Зинка Матвеева говорила низким хриловатым контральто, и по телефону ее можно было принять за мужика. Хотя это была хрупкая и очень привлекательная молодая женщина.

– Зин, я дома и лезу на стенку от скуки. – Ответила Полина.

– Что, твоего кобеля так и нет? – Посочувствовала подруга.

– Нет, и даже не позвонил ни разу. Я уж волноваться начинаю.

– Вот что, подружка, одевайся, садись в машину и дуй к Никольской церкви. Я сейчас тоже туда подгребу. Еще Таньку Назарову прихвачу.

– А чего будем делать? Может, лучше вы ко мне? – возможность повидаться с приятельницами Полину радовала, но рулить самой по городу не хотелось.

– Мы к гадалке намылились. Танька упросила. Из Греции в Питер цыганка прискакала. Говорят, в яблочко попадает. Все и тебе про Сережку вывалит. Только фотку его прихвати. – Ухмыльнулась Зина.

– Боязно как-то... – Нерешительно возразила Полина. Но подруга умела быть настойчивой:

– Чего дома одной торчать. Потом поужинаем где-нибудь на Невском. Назарова, кажется, наконец, замуж выходит. Расскажет нам про своего последнего «прынца». Это она перед свадьбой к цыганке пожелала. Не терпится о своем суженом узнать.... И меня за собой тянет. А раз ты мне попала, не отвертись.

Полина еще раз заглянула к сыну:

– Я к подругам, если задержусь, не торчи до ночи у компьютера. Школу проспишь.

– Да, знаю... – Отмахнулся Павел. Она открыла шкаф в прихожей, достала куртку, надела ее и посмотрелась в зеркало. Каштановые волосы, немного приплюснутый носик и широко расставленные карие глаза напоминали о татаро-монгольском нашествии. Морщинки появились, но пока при помощи косметики их удавалось легко маскировать. Да и фигура не слишком расплылась после родов, лишь бедра немного раздались. Так что выглядела она для своих лет вполне привлекательно, только взгляд испуганный:

– Дура ты, дура... – Сказала она своему отражению и вышла. Стекла «Фольксвагена» засыпали листья. Полина брезгливо смахнула их перчаткой, уселась в машину и включила радио. Вместо привычной попсы звучал концерт Рахманинова. Она тронула с места и медленно выкатилась со двора. Музыка уносила в юность, в пору, когда у нее и интересы были совсем другие, и жизнь казалось прекрасной. Тогда она была счастлива и только ждала своего «прынца». И дождалась...

В потоке машин чувство тоски и одиночества поослабло. Веселые красные огоньки авто, свет витрин, бестолковые пешеходы – она будто въехала в кипящую жизнь города, и это кипение коснулось ее самой. Концерт Рахманинова закончился мощным финалом, и музыку сменила реклама. Диктор советовал лекарство от простатита, обещая мужчинам за девяносто девять долларов вечную потенцию. Полина выключила радио и свернула на Никольскую площадь. Перед Собором ее ждали. Зина стояла возле своего перламутрового «Пежо» и качала головой:

– Ты как на тракторе, подруга. Мы здесь уже минут пятнадцать, от меня ехать дольше, а я еще к Назарихе заезжала. Она же безлошадная, наша милиционерша.

– А где Таня? – Спросила Полина, уходя от объяснений своей медлительности.

– Назарова рублики на баксы меняет. Цыганка рублики не берет. Ты, надеюсь, баксы прихватила? – Зина в своей меховой курточке и высоких сапогах напоминала пажа из сказок Андерсена.

– У меня «евры», – улыбнулась Полина: – Надеюсь, цыганка от них не откажется...

Таня, высокая, в длинном кожаном пальто, перебежала площадь прямо перед бампером машины и присоединилась к подругам.

– Привет, Богаткина.

– Привет, Танька. Поздравляю.

– С чем?

– Зина сказала, замуж выходишь...

– Кажется, выхожу... Но сама пока не знаю, поздравлять меня с этим или выражать соболезнование. – Назарова собиралась замуж в третий раз. Но до загса дело так пока и не доходило.

Цыганка из Греции остановилась у портнихи, у которой Зина с Полиной иногда шили себе экстравагантные наряды. Дом модистки прятался в темном питерском дворе, за Никольской церковью.

– Мрак. Ни одного фонаря не горит. – Поежилась Полина.

– Боишься, изнасилуют? Ничего, втроем отобьемся, – хрипловато расхохоталась Зина: – А тебе, подружка, этого, может, и хочется? Сколько ты без мужика?

– Не пошли, Матвеева, тебе не идет. – Обрезала Таня: – Сюда, что ли?

– Сюда. – Ответила Полина и распахнула тяжелую дверь мрачного четырехэтажного дома. По едва освещенной лестнице они поднялись на третий этаж, и Зина позвонила. Портниху звали Бэлла. Полная, лет сорока женщина смотрела на мир голубыми глазами шаловливого ребенка:

– Привет. Это вы Таня из милиции?

– Я. А что вам не нравится?

– Вы уж не говорите своим, что я цыганку приютила.

– Если она не аферистка, вам беспокоиться нечего... Не скажу. – Пообещала Назарова. Бэлла помогла подругам раздеться:

– Она совсем не аферистка. Удивительная старуха и очень добрая. Вы проходите. Патриция сейчас работает. Придется подождать.

– С кем работает?

– У нее бизнесмен из Риги. Желает знать, парят ли его компаньоны. Что-то у него в делах не так. – Без тени улыбки пояснила хозяйка, запуская посетительниц в гостиную. Они втроем уселись на диван, обитый малиновым плюшем, и стали глядеть на дверь мастерской портнихи, за которой вела прием гадалка.

– Вот вам и разница полов. – Зина достала из сумки маленькое зеркальце и напудрила носик.

– Зинка, ты о чем? Договаривай. – Потребовала уточнений Назарова. Работая криминалистом, она уважала точность формулировок и законченность мысли.

– Как о чем? Видишь, мужик пришел гадать, не парят ли его компаньоны. Делами своими интересуется. А вы? Вот Танька приперлась выведать про своего жениха. Удостовериться, тому ли она дает. А тебе, Полина, не терпится выяснить, трахает ли твой Сергей кого на стороне. Вот вам и разница полов.

– Хамка, ты Зина. А на вид агнец божий. Стоит пасть открыть, уши вянут... – Поморщилась Назарова.

– Люблю называть вещи своими именами... – Ответила Зина и расхохоталась.

– Не ссорьтесь, горлицы. Бабы это бабы, а мужики это мужики. – Подвела итог спора Бэлла и, шлепая тапочками, уплыла на кухню. В комнате наступила тишина. Только настенные часы продолжали выстукивать маятником течение жизни обеих полов, поскольку мера времени и для мужчин и для женщин едина.

– Что-то мне не по себе. – Шепотом призналась Богаткина.

– Да брось ты, подружка. Это же все так, приколы. Гадалки ваши... С жиру бесимся. – Баском успокоила Матвеева.

Бэлла вернулась с кухни, что-то на ходу дожевывая:

– Кофе хотите? Пирог с яблоками есть.

– Перебьемся. – За всех отказалась Татьяна и, помолчав, добавила: – А я хоть в милиции и работаю, а настоящим гадалкам верю. Два раза в жизни гадала, два раза все так и случилось, как они предсказывали.

– Патриция не ошибается. – Подтвердила Бэлла: – Не случайно у нее за полгода запись. Я еле уговорила вас принять. Сегодня к ней еще пятнадцать клиентов. А она иногда по часу с человеком сидит.

Дверь резко распахнулась, и высокий блондин с заметным брюшком быстро вышел из комнаты. Лицо его покрывали багровые пятна.

– Что с тобой, Балдиес? Тебе нехорошо... – Бэлла взяла латыша за руку, и ее голубые глаза выразили сочувствие.

– Это брат ворует. Компаньоны ни при чем. Я брату верил, как самому себе. Даже подумать на него не мог. А сейчас словно глаза раскрылись. Какой же я болван... – Ответил бизнесмен и быстро вышел в прихожую.

Стало слышно, как хлопнула дверь и застучали каблуки по лестнице. Из мастерской портнихи медленно выплыла высокая старуха в жакете с воротником из норковой шкурки. Весь ее облик с маленькой головкой на длинной шее, с небольшим тонким носом и темными немигающими глазами напоминал кобру. Старуха была даже по-своему красива, как бывают красивые гады. Видно, в молодости она завораживала мужчин, и они летели к ней, словно мотыльки на огонь. Цыганка остановилась напротив подруг, подняла руки, потянулась, как кошка, и внимательно осмотрела каждую. Ее неподвижные темные глаза впитывали мир бесстрастно, как зеркало. Посетительницы непроизвольно поднялись.

– Сидите, дамы. – Остановила их старуха: – Сейчас выкурю папиросу, и я к вашим услугам. Очень устала от этого джентльмена. Хотя он добрый и хороший человек, у него тяжелая карма. – Цыганка говорила по-русски чисто, нараспев, немного грассируя, как говорят эмигранты первой волны. Но голос ее звучал по-девичьи молодо. Она взяла смуглой нервной рукой со стола пачку папирос, достала одну и постучала мундштуком о столешницу. Бэлла услужливо чиркнула спичкой:

– Патриция, может, сделать вам кофе?

– Попозже я сама себе сварю. Ты, душенька, все равно кофе варить не умеешь. – Улыбнулась цыганка и обратилась к женщинам: – Кто из вас первая?

Таня и Полина переглянулись.

Не получив ответа, Патриция глубоко затянулась, выпустила дым и сама сделала выбор:

– Пойдем, милая. – Она затушила в пепельнице папиросу, взяла Татьяну за руку и повела в комнату. Дверь за ними закрылась. Полина с Зиной вздохнули и затихли.

– Нате вам журнальчик, полюбуйтесь на новую моду, пока подруга приговор выслушает. – Бэлла вручила приятельницам по журналу и снова поспешила на кухню. Они листали страницы, разглядывая долговязых девиц. Одежды едва прикрывали скудные прелести манекенщиц.

– Материала расходуют все меньше, а цены на тряпки все выше. – Пожаловалась Полина.

– А тебе что? Сергей не жмот. Сколько скажешь, столько и отвалит. – Поддела подругу Зина.

– Ты права. До денег Сережа не жаден. Он свое внимание боится перетратить. Мальчишку подарками забаловал, а воспитывать парня ему лень.

– А тебе?

– Я не умею быть строгой. А сыну нужна мужская рука.

– Не умеешь воспитывать, не надо было рожать. Ребенок это каторга. Вот я и не решаюсь. – Матвеева прожила с мужем пять лет, но ребенка так и не завела.

– Не знаю, хотела как лучше. – Оправдывалась Полина.

– Все мы в девках дуры. Спешим замуж и рожать. И в расчет не берем, что на этом у многих жизнь и кончается. А вот и Назариха...

Таня вышла от цыганки с пунцовыми щеками. По восторженному блеску глаз молодой женщины подруги без слов поняли, что гадалка Татьяну порадовала.

– Ну что? Будете жить дружно и умрете в один день? – Баском предположила Зина.

– Нет, он умрет раньше.... У нас будет девочка, и любить Петю я буду до гроба.

– До его гроба или до своего? – Решила уточнить Зина.

– Опять пошлишь? – Пристыдила Татьяна, но цинизм подруги настроение ей не испортил.

– И ты, милиционерша, ей веришь? – Вздохнула Полина.

– Патриция волшебница. Сама про моих прежних женихов заговорила и точно описала внешность каждого. Знать о них она никак не могла. А о моей любви к замужнему и подавно. Об этом человеке я никогда не трепалась.

– Впечатляет. – Согласилась Зина. Назарова продолжала сиять от счастья:

– И Петю моего описала, словно с натуры. А жениха я даже вам не показывала...

Подруги бросились целовать Татьяну. Та весело смеялась:

– Ой, девчонки, я так рада! Пойдем отметим. Я приглашаю...

– Не спеши. Дождемся, пока Патриция Богаткину обработает, и – вперед.

– А ты не пойдешь? – Удивилась Таня.

Зина подернула плечиками:

– Я себе гадать не хочу. У меня и так все в норме.

– Прошу, кто теперь, красавицы? – Цыганка стояла на пороге в ожидании очередной «жертвы».

– Я... – Ответила Полина.

– Тогда иди за мной...

В мастерской портнихи горело три свечи, освещая голый манекен в правом углу. Когда Патриция усадила Богаткину в кресло и закрыла за собой дверь, Полине стало немного жутко.

– Не бойся, красавица. Я твой друг и вреда тебе не причиню. У меня глаз добрый... – Старуха уселась напротив и стала смотреть на Полину. Взгляд ее добрым назвать было трудно. Он был не добрый и не злой. Он был изучающий. Но Полина сразу успокоилась:

– Я вас и не боюсь...

– Вот и хорошо. У тебя впереди большие перемены. О чем бы ты хотела узнать в первую очередь?

– Полина покраснела: – О муже...

– Твой муж мальчик? Он много младше тебя?

– Почему? Сережа старше меня на двенадцать лет.

– Я вижу около тебя только одного мужчину, и он очень юн.

– У меня сын. Ему пятнадцать лет.

– Да, такой юноша рядом с тобой есть. И он станет тебе другом... Ты принесла фотографию мужа?

– Да. – Полина раскрыла сумочку, в полумраке перерыла ее содержимое и извлекла карточку. Цыганка взяла в руки снимок, положила его на стол изображением вниз и накрыла ладонями. Прищурила глаза и застыла. Сидела так она довольно долго. Наконец открыла глаза, перевернула снимок и поднесла к нему свечу:

– Очень странно. Я впервые сталкиваюсь с подобным. А пожила на свете изрядно и повидала всякого...

У Полины похолодело внизу живота:

– С чем вы сталкиваетесь впервые?

– Для меня это пустая бумажка. За ней нет человека.

– С Сергеем несчастье? – Полина вскочила с кресла и схватила цыганку за руки.

– Успокойся, милая. И несчастья я не вижу. Если человек умирает, я все равно знаю, что он есть. Есть, но мертвый. И могу сказать место, где он покойся.... А тут пустота. Если бы я не знала Беллу, подумала, что ты меня обманываешь и у тебя вовсе нет мужа. Но Белла не приведет ко мне обманщицу. Прости, милая, о твоём Серже я ничего сказать не могу. А тебе же еще раз предскажу большие перемены. В них есть и любовь. Но, увы, странная.

– Что значит странная?

– Доживешь до нее, поймешь сама. Прощай.

– Сколько я вам должна? – Голос у Полины дрожал, она с трудом сдерживала слезы.

– Ты мне ничего не должна. Я не сделала свою работу. – Отказалась гадалка и помогла клиентке подняться. Полина вышла из комнаты. Свет люстры ослепил ее. Она ударилась об угол стола, и, не замечая боли, направилась в прихожую. Сдернула с вешалки свою куртку и, не прощаясь с хозяйкой и подругами, выбежала из квартиры.

– Что с ней? – Изумились женщины: – Надо ее догнать.

– Не надо. – Ответила Патриция, вливаясь в гостиную.

Зина схватила цыганку за рукав:

– Что вы ей нагадали?

– Я ничего не смогла ей нагадать.

– Как ничего? – Удивилась Бэлла: – Такого я от тебя раньше не слышала.

– Я сама растерялась, если признаться. Ваша подруга хотела что-то узнать про своего мужа, но мужа у нее нет.

– Как нет? Мы Сергея прекрасно знаем. Он что, умер? – Наступала Татьяна.

– Для меня его нет. Ни живого, ни мертвого. А что это значит, я сама не знаю. – Покачала головой старуха и пошла на кухню варить себе кофе.

* * *

11 октября 2004 года

Полина проснулась совершенно разбитая. Она заснула под утро и не слышала, как Павел ушел в школу. Сын позавтракал, открыв банку с икрой, и слопал несколько ложек. Павлик любил есть черную икру без хлеба.

– Даже чай не стал пить, – грустно подумала Полина. Она вышла из спальни в ночной рубашке, взяла телефон и уселась в кресло. Низкое солнце било в окна и делало зал с роялем не таким мрачным и унылым, как накануне вечером. Полина знала, что во время командировок муж сажает в свой кабинет Гришу Родионова и тот исполняет директорские обязанности. Она набрала прямой номер мужа. Но в кабинете никто трубки не снял. Тогда она позвонила секретарше.

– Приемная генерального директора. – Ответила Катя.

– Катюша, а где Гриша Родионов?

– Генеральный директор на переговорах в Смольном. – Отчеканила секретарша.

– Разве Сережа приехал? – В полном недоумении переспросила Полина.

– Сергея Дмитриевича нет.

– Ты же сказала – генеральный в Смольном.

– Да. Вы не в курсе, что генеральным у нас уже три недели Родионов? – Удивилась Катя.

– Впервые слышу.

– Если хотите поговорить с Григорием Васильевичем, позвоните ему на мобильный. – Посоветовала девушка.

– Дай мне его номер.

Катя продиктовала номер, и Полина поняла, что она этот номер прекрасно знает. Катя выдала ей мобильный мужа.

– Бред... – Прошептала Полина и набрала знакомый номер.

– Родионов. – Ответили в трубке.

– Гриша, это Полина. Объясни, что все это значит? Почему ты генеральный директор? Почему у тебя мобильник Сергея? Я ничего не понимаю!?

– Три недели назад распоряжением Сергея Дмитриевича я назначен генеральным директором. А свой телефон он мне передал, чтобы не затруднять партнеров. У них есть номер генерального, и для работы так удобнее.

– Я все равно ничего не понимаю. От Сергея вестей нет?

– Нет, Полина Игоревна. Но для вас у меня есть поручение. Сергей Дмитриевич распорядился выдать вам деньги. Разрешите заехать?

– Когда он распорядился?

– Еще перед отъездом.

– Ты мне что-то не договариваешь, Гриша?

– Полина Игоревна, я и сам не все понимаю. Разрешите, я к вам заеду?

– Когда?

– Совещание закончилось. Я могу прямо сейчас.

– Давай через часик. – Взмолилась Полина: – Я плохо спала и не успела принять душ.

Большой, толстый и рыжий Родионов явился ровно через час. Полина провела его в кухню и усадила за стол:

– Есть хочешь?

– Нет, спасибо. Я подкрепился в буфете Смольного. – Родионов открыл свой кейс и извлек конверт: – Здесь три тысячи долларов.

– Ты можешь мне объяснить, наконец, что происходит?! Сергей уехал совсем? Он меня бросил?

– Да. – Родионов опустил глаза и покраснел.

– Теперь мне кое-что ясно.

– А вот мне нет, – тихо возразил толстяк.

– Что же не ясно тебе? – Стараясь не разреветься, сухо поинтересовалась Полина.

– Сергей Дмитриевич должен был вчера со мной связаться для решения ряда вопросов.

Но ни звонка от него, ни факса я не получил. А вопросов скопилось много. Часть из них очень острых. Мне боязно брать на себя ответственность в их решении. Я принял пост генерального с условием, что ваш муж будет меня консультировать. Он клятвенно мне это обещал. И вот такая история.

– Тут я тебе ничем не могу помочь. – Нервно заявила Полина: – Спасибо за деньги.

– Пожалуйста. Эту сумму Сергей Дмитриевич распорядился выдавать вам в конце каждого месяца. – Родионов встал и, не поднимая головы, пошел к двери. Полина смотрела ему вслед и не двигалась. Слезы сами покатались из ее глаз – почему так? Разве нельзя разойтись по-человечески? Они же прожили семнадцать лет вместе! Неужели она не заслужила хотя бы честного признания в том, что муж ее больше не любит?!

* * *

16 Июля 2004 года

«Любимая, сегодня я опять думал о нас весь день и всю ночь. Ты так великолепна. Твоя улыбка стоит перед моими глазами. Мне кажется, что знаю тебя от кончиков волос до кончиков твоих пальчиков. И мне с каждым днем трудней и трудней выносить нашу разлуку. Я страстно хочу прижать тебя к своей груди и зарыться лицом в твои волосы. Но не думай, что я только мечтаю. Я делаю все, чтобы наша совместная жизнь началась так же прекрасно, как наши чувства. Сегодня я перевел основной капитал в Северный банк и впервые заговорил с Родионовым о передачи ему руководства компании. Родионов оказался молоток. Поначалу он воспринял мой разговор как шутку, но потом задумался. Я наблюдал за ним и заметил – он глубоко проникся этой мыслью. Не пройдет и недели, как он созреет. Кинь мне свои реквизиты. Я бы для страховки перевел часть средств на тебя. Тогда ты уже сейчас смогла бы сделать необходимые закупки для нашей бродячей жизни. Любимая, скажи,

где бы ты хотела провести наш первый совместный год? Укажи любое место на земном шарике, и я начну вить там наше гнездо. Для меня география не имеет никакого значения. Важно, чтобы ты была рядом, и тебе там дышалось вольно. А будут над нами шелестеть пальмы или поскрипывать сосны, не так уж и важно.

Спасибо за подарок. Но мне стыдно, что ты покупаешь столь дорогие вещи. Ты же истратила на меня все деньги, что я тебе выслал. Пожалуйста, не делай этого. Ведь ты не так богата».

Твой Песик

* * *

17 Июля 2004 года

«Ненаглядный мой, милый добрый Пес, как мне понятны твои чувства и мысли. Я тоже мечтаю принадлежать тебе. И мечты о нашей будущей жизни не оставляют меня ни днем ни ночью. Мне тоже становится трудно переносить разлуку. Ведь я еще очень молода, а счастья быть с близким мужчиной не испытала. Мне даже стыдно признаваться тебе, как я мечтаю о нашей близости. Мне так хочется доставить тебе удовольствие своим телом. Мне так не достает твоих рук и твоих губ. Сегодня ночью я разделась и долго рассматривала себя в зеркало. И вдруг испугалась. За последний месяц грудь у меня стала заметно больше. Это, видно, от мыслей о тебе. Боюсь, что большая грудь не в твоем вкусе. Не придавай слишком большого значения деньгам. Мне много не надо. Пусть будет лишь самое необходимое и ты рядом. Ты перевел капитал в Северный банк, и правильно сделал. Его отделения есть и у нас. Ты просишь мои реквизиты. Зачем? Если ты хочешь дать мне возможность иногда пользоваться твоим капиталом для наших общих расходов, напиши распоряжение в банк, и мне будут выдавать деньги с твоего счета. Но я вовсе не уверена, что мне это понадобится. На жизнь мне вполне хватает, а делать солидные покупки я без тебя не буду. Ведь меня могут надуть. Я в делах не слишком умелая. Может быть, под твоим руководством и поднаторею, а пока мне доверять серьезные покупки опасно. Зачем ты меня бранишь за подарок? Я истратила на портсигар всего полторы тысячи долларов. Это совсем не так много. Он же серебряный. А дарить тебе дешевку мне стыдно. Знаешь, как приятно делать подарки любимому. Не лишай меня этого удовольствия.

Твоя Лана.

* * *

12 октября 2004 года

– Назарова, там тебя какая-то тетка спрашивает. Морда распухшая. Или с бодуна, или шлюха с Невского. – Лейтенант Миша Докеев работал в криминальной лаборатории меньше года, и хоть был младше других сотрудников и по званию и по возрасту, общался с коллегами без церемоний.

– Запомните, лейтенант, шлюх возле меня нет, и алкашек тоже. – Огрызнулась Назарова и побежала вниз. Возле бюро пропусков ее ждала Полина.

– Ну и видок у тебя, подружка. Теперь понятно, почему наш Мишка тебя за проститутку принял. Что с тобой? Цыганка на тебя так подействовала?

– И цыганка тоже.

– Чего расстраиваешься? Она же не сказала ничего плохого. Не видит она твоего мужа. Ну и что? Она хоть и гадалка, но тоже человек. Не все ей подвластно. – Тонем взрослого, беседующего с ребенком, проговорила Назарова.

– Дело не только в ней. – Вздохнула Полина и рассказала подруге о странном превращении Родионова в генерального директора и о том, что Сергей от нее сбежал и что не вышел на связь с фирмой: – Дал мне муж под зад коленом, я поняла. Ладно, переживу. Но вот все вместе, цыганка, Родионов. Эти деньги... Страшно мне.

– Для открытия уголовного дела по факту исчезновения Сергея у милиции оснований нет. Богаткин сам сказал заместителю, что домой не вернется. Я правильно поняла?

– Да, сказал. – Кивнула Полина.

– Выходит, у нас только один эпизод. Твой мужик не связался с фирмой, в день как обещал. И это случилось всего сутки назад. Но сама подумай, если Сергей сбежал к другой бабе, мог о делах и вовсе забыть. Кобели поначалу умеют голову терять. Ты же не девочка, сама понимаешь...

– Да, все так. Но мне страшно. Сердце мне подсказывает, что с Сережей беда. – Упрямо повторила Полина.

– Допустим. Но он же скот. Он тебя бросил. Чего ты о нем печешься?

– У меня от него сын. Потом, мы почти двадцать лет вместе. Привыкла. Не чужой он мне, что бы там ни было... – Полина достала платок и утерла слезы.

– Хорошо подруга, кати домой, и поосторожнее за рулем. Я подумаю, что делать. Жди, я к тебе заеду. И дай мне телефон этого Родионова.

Полина кивнула, продиктовала номер и медленно вышла из Управления. Назарова в лабораторию не вернулась, а поднялась к следователю Дорофееву советоваться. Константин Петрович Дорофеев, старейший следователь Управления, с огромным опытом, помочь Тане не смог.

– Назарова, опомнись! Какая-то цыганка. Один начальник назначил другого, а сам убежал куда-то к бабе. Что тут делать милиции?

Татьяна понимала, что старый сыщик прав. Если бы она лично не побывала на приеме у Патриции, тоже бы отмахнулась от подруги. Жизнь есть жизнь, и мужики иногда выкидывают коленца. Но талант старой гадалки Татьяну поразил. И слова старухи о том, что мужа Полины вовсе нет, произвели и на Назарову тягостное впечатление. Поэтому она не отмахнулась от подруги, а позвонила Родионову и назначила ему встречу.

Офис фирмы Богаткина находился на Литейном. Григорий Васильевич Родионов принял Татьяну в огромном кабинете генерального директора. Его рыхлое конопатое лицо выглядело усталым. Редкие рыжие волосы намokли от пота, нос покраснел, и весь его облик внушал Тане жалость, смешанную с отвращением.

– Меня фамилия Назарова. – Представилась она: – Я работаю в милиции, но пришла к вам как подруга Полины Игоревны, в общем, как частное лицо... Поэтому давайте все на чистоту, без протокола.

Родионов и не собирался ничего скрывать. Его бывший начальник влюбился. Со своим предметом никого не знакомил, имени возлюбленной не называл. Где живет его пассия, не сообщал. На второй день после отъезда Богаткин позвонил Родионову из Москвы. Остался ли шеф в столице или после звонка поехал дальше, Григорий Васильевич сообщить затруднялся. Сергей Богаткин не утаил от своего зама, что хочет создать новую семью, и просил на свою долю в прибылях фирмы содержать Полину и сына Павла, выдавая им три тысячи долларов в конце каждого месяца. Так же Богаткин обещал консультировать Родионова, но в назначенный день на связь не вышел. Больше Назаровой ничего выяснить не удалось. Татьяна посмотрела на

часы. На работу возвращаться смысла не имело. Пока доедет, будет шесть, и начинать работу поздно. Решила ехать к Полине.

– Ничего утешительного, подруга, я тебе не скажу. – Выдала она с порога: – Но совет могу дать, если ты меня, конечно, кофейком попоишь. Я за твоими делами свой обед пробегала.

– Пошли на кухню. – Пригласила Полина. Татьяна тщательно вымыла руки, поправила прическу и уселась за стол:

– Есть у меня один человек в Москве, который черта с рогами отыщет, не только твоего изменника. Но за его услуги надо платить. Человек этот работает в частном сыском бюро, и зовут его Петр Григорьевич Ерожин. Хочешь, позвони ему, хочешь, кати в Москву. Муженек твой, скорее всего там. Он Родионову из Москвы один раз отзвонил.

– Ты сама не можешь попросить своего приятеля? – Полина подвинула гостье кофе и уселась напротив.

– Он мне не приятель. Я с ним спала, и пыталась у жены отбить. Можешь на меня в разговоре сослаться, но сама я с ним говорить не буду.

– Это и есть твой женатый мент?

– Он самый. – Подтвердила Назарова: – Записывай номер.

– Адрес тоже давай. – Попросила Полина: – Когда у тебя свадьба?

– В декабре. Приглашаю.

– Счастливая ты. Цыганка нагадала, до гроба своего любить будешь... В наши дни так редко бывает. – Вздохнула Полина и записала московские координаты частного сыщика.

* * *

Москва 19 октября 2004 года

Мурт сидел в коридоре возле дверей начальника отдела в потертом кожаном кресле уже час. Сидел прямо, не облокачиваясь на спинку, сложив крестьянские руки на коленях, и смотрел в стену. Он знал, что начальника нет и что вернется тот не скоро. Подполковник Волков выехал на очередное скандальное убийство и о существовании старого эстонца не имел ни малейшего понятия. До сегодняшнего дня и Мурт не знал, что живет на свете подполковник Волков. Но сегодня, сейчас, для старика этот человек являл собой последнюю надежду. Если не поможет начальник отдела убийств, не поможет никто. Мурт смотрел в стену и думал о сыне. Отпрыска он не видел полгода. Первый месяц после того, как Матти уехал в Москву, отец о нем почти не вспоминал. По приезде, сын отзвонил, сообщив отцу, что доехал благополучно. Он обещал наметнуть, что на таможне проблем не возникло, и свое обещание выполнил. Сын уехал жениться. Его желание жениться на русской родителям не очень понравилось. Но Матти взрослый парень и решать подобные вопросы за него родители не могут. Полюбил русскую, его дело. Когда прошел второй месяц и сын не написал даже открытки, Андрес немного обиделся. Понятно, что молодожену не до стариков. Шуры-муры, покупка квартиры, милые хлопоты... Но за два месяца можно хоть раз позвонить? Когда прошло еще два месяца, старый Мурт заволновался. Но беспокойные мысли держал при себе. У всех свои заботы и неприлично перекладывать свой груз на других. Андрес Мурт привык самостоятельно решать свои проблемы. Не делился он тревогами и с женой. На вопрос Берты, не звонил ли сын, отвечал односложно «нет». Но месяц назад старик понял, что дело плохо. Отцовское сердце заныло после юбилея. Андресу в августе исполнилось семьдесят лет. Юбилеяра поздравили из Канады, Финляндии и даже Австралии. Ведь когда-то Мурт плавал по свету моряком, и у него друзей хватало. Поздравили и те, о существовании которых Мурт давно забыл. Только от Матти поздравления он так и не дождался. Отпраздновав юбилей, Мурт сел в машину и поехал в уездный город. В городе он оставил машину в центре на стоянке и пешком пошел в полицию. Чиновник вежливо его принял и старательно записал слова Мурта на бумагу. Он попросил старика расписаться

и пригласил зайти через месяц. Неделью назад Андрес явился на прием снова. Явился, потому что месяц с его первого визита миновал.

«Мы связались, господин Мурт, с коллегами в России. Вот их ответ. Здесь есть и перевод документа». – Чиновник вручил ему бумагу и, усадив в кресло, тактично вышел. Мурт надел очки и прочел бумагу. Перевод ему не понадобился. Старик хорошо говорил и читал по-русски. В бумаге сообщалось, что ни в одном из городов России Матти Мурт свое местожительство не зарегистрировал. А без подобной регистрации власти о местопребывании иностранца сведений не имеют. «Все что мы могли сделать, мы сделали», – вернувшись в свой кабинет, заверил посетителя чиновник.

И Андрес решил сам ехать в Москву. Чтобы визу оформили быстро, пришлось переплатить. Но экономный старик о деньгах не беспокоился. Дороже сына у него на свете никого не было. Экспресс прибыл в Москву утром. В Эстонии Мурт оставил осень. Москва его встретила снегом. В отделении милиции Ленинградского вокзала дежурный выслушал приезжего и сказал, что у них сведений о Матти нет. В шутку или всерьез, но молодой милиционер посоветовал обойти все районные отделения милиции города Москвы. Мурт шуток в своем вопросе не ожидал и совету молодого милиционера последовал буквально. Он обошел пять отделений, замерз и промочил ноги. И только в Сокольниках ему повезло. Пожилой капитан проникся к эстонцу симпатией и послал на Петровку. «У них сведения со всего города. Зачем бегать по Москве. Москва очень большая. На Петровке просись на прием к начальнику отдела убийств. Если твоего сына убили, он тебе скажет». И Мурт приехал на Петровку. Он долго объяснял, что хочет на прием к начальнику, и добился своего. Ему выписали пропуск, провели на третий этаж и усадили в кресло. Старый эстонец Андрес Мурт сидел и ждал начальника, которого звали Т. Н. Волков.

* * *

19 октября 2004 года

В Москве выпал первый снег. На асфальте и дорожках бульвара вокруг Чистых прудов снег сразу таял, но на газонах держался. От этого белоснежного покрывала на душе становилось светло и почему-то празднично. Да и в кабинете сыскного бюро Ерожина будничной атмосферы не наблюдалась. Причиной тому стал не веселый московский снег, а настроение сотрудников. Впервые за несколько лет они, как в старое доброе время, собрались вместе. Отработав три года на Петровке, в директорское кресло вернулся сам подполковник Ерожин. Отставной генерал Грыжин и Глеб не могли скрыть радости по этому поводу. Вместе с Ерожиным сегодня вышла на работу и Надя. Ее родной отец Алексей Ростоцкий получил в Москве крупный строительный подряд и, оставив Самарскую фирму на сына, переехал на полгода в столицу. Переехал с Шурой, которая сразу предложила Наде помощь с детьми. Супруга Ерожина смогла вернуться в бюро. И сейчас все они сидели в директорском кабинете, пили кофе со сливками и наперебой вспоминали эпизоды прошлых расследований. В основном обсуждали курьезы из былой практики. Вспоминали времена, когда Ерожина забрали начальником на Петровку, как Глеб Михеев вошел в этот кабинет и как смешно состоялось его утверждение на должность директора. Все говорили и смеялись. Но никто не обмолвился о последнем деле Ерожина. О деле, связанном с убийством «Урода». О табу на эту тему заранее не договаривались, но все понимали, что не надо тревожить Петра воспоминаниями о влюбленном в его жену шантажисте.

– Послушай, Петро, давай по десять капель. Все-таки первый день. Надо обмыть ваше с Надей возвращение. – Предложил отставной генерал.

– Конечно можно, батя. Но рабочий день. Вдруг клиенты объявятся, а мы тут пируем? – Засомневался Ерожин.

– Я же не предлагаю напиваться. – Проворчал Грыжин и достал заначенную бутылку армянского коньяка: – А совсем не отметить – как-то не по-русски.

Надя принесла из буфета маленькие рюмочки, и генерал аккуратно разлил в них свой любимый «Ани»:

– Мне бы хотелось сказать два слова, коллеги... – Грыжин поднял рюмку и обвел присутствующих суровым взглядом.

– Давай, батя, говори. – Подбодрил генерала Ерожин.

– Мы вас внимательно слушаем, Иван Григорьевич. – Улыбнулась Надя. Глеб к спиртному в рабочее время относился отрицательно, но, понимая, что сейчас происходит ритуал, сосредоточенно смотрел на свою рюмку, утонувшую в его огромных лапах, и молчал.

– Я хочу выпить, друзья, за любовь и дружбу... И еще за Петро и Надюху. Во-первых, они оба вернулись на службу после долгого перерыва, а во-вторых, они вместе. Вместе потому, что Надя сумела понять и простить Петра. Значит, любовь и дружба у них настоящая. Я большую часть жизни провел при Советах. Нас учили, что главное для человека – работа и служение отчизне. Что, кстати сказать, не так уж и глупо. Но, прожив жизнь, могу вас заверить, для человека так же важны его семья и близкие. Петро и Надюха, да и ты, Глеб, стали моей семьей. И я счастлив, что мы опять вместе. Давайте выпьем за любовь и дружбу. Этим двум словам надлежит стоять рядом. И поверьте, только те, кто по-настоящему умеют любить и дружить, сумеют, как надо, прослужить отчизне.

– Ну ты, батя, прямо как на митинге. – Усмехнулся Ерожин. Давно я подобных речей не слышал.

– Высокие слова мы, Петро, говорить разучились. Заодно разучились думать о своей стране как об отчизне. А тут хорошего мало... – Генерал опрокинул рюмку и потянулся к яблочку. В этот момент зазвонил телефон. Все смотрели на аппарат, но никто не решался поднять трубку.

– Петро, твой же телефон звонит, директорский. – Напомнил Грыжин. Подполковник снял трубку и услышал голос Тимофея Волкова:

– Петр Григорьевич, тут у меня пожилой иностранец... – Начал Волков тоном, будто они продолжают работать вместе, и он докладывает шефу очередной вопрос.

– Для начала, здравствуй Тимофей, рад тебя слышать. – Улыбнулся Ерожин.

– Здравствуйте, Петр Григорьевич. Я тоже рад. Тут все в замате, и я не сообразил, что мы два месяца не виделись. Простите...

– Ничего, майор. Я шучу.

– Петр Григорьевич, я уже подполковник.

– Поздравляю, Тимофей. Давно?

– Неделию назад... Так вот, у меня в кабинете иностранец. Он разыскивает сына. Обстоятельства исчезновения его сына таковы, что пока нам открывать дело оснований нет. Позвольте его направить к вам в бюро?

– Направляй. Чем сможем, поможем. – Ерожин положил трубку: – Давайте заканчивать жрачку. К нам клиент. Да еще иностранец.

Надя едва успела помыть посуду, как в селекторе раздался звонок. Глеб вышел в прихожую и вернулся вовсе не с пожилым иностранцем, а с молодой женщиной. На вид ей было за тридцать, и выглядела она усталой. И хоть куртка из мягкой кожи и сапожки выдавали в ней человека обеспеченного, было заметно, что свою внешность дамочка забросила.

– Я бы хотела поговорить с Петром Григорьевичем Ерожиным. – Тихо произнесла посетительница, оглядывая сотрудников бюро.

– Ерожин это я. Прошу в кабинет. – Петр Григорьевич пропустил даму, помог ей снять куртку и усадил в кресло.

– Меня зовут Полина Игоревна Богаткина.

– Очень приятно. – Улыбнулся подполковник.

– Я ленинградка. Рекомендовала мне вас Татьяна Назарова. Рекомендовала как очень опытного, даже талантливое специалиста. – Полина взглянула на Ерожина и покраснела. Покраснел и Ерожин:

– Спасибо Тане за рекомендацию. Мы очень давно не виделись. Как она там?

– Прекрасно. В декабре у нее свадьба. По всем признакам, брак ожидается счастливый.

– Искренне рад за нее. Теперь расскажите, что случилось у вас? – Поспешил перейти к делу подполковник.

– А у меня хорошего мало. Исчез муж... Таня верит в ваш талант. Она говорит, что вы не только мужчину, черта с рогами можете найти.

– Иногда везет. – Улыбнулся Ерожин: – Но я не колдун. Бывают случаи, где моего, как вы изволили приятно выразиться, таланта не хватает.

– Колдунья мне не помогла. В милиции мной заниматься не станут. Так что идти мне больше некуда.

– Выкладывайте, какие у вас проблемы с мужем?

– Сергей исчез.

– Это я уже понял. Валяйте все по порядку.

– Из моего рассказа, вы можете сделать вывод, что он ушел к другой женщине. Это, скорее всего, так и есть. Но мне кажется, с мужем что-то случилось.

– Вы рассказывайте, и за мои выводы не беспокойтесь.

Полина снова покраснела:

– С чего начинать?

– С самого начала. – Предложил подполковник и раскрыл блокнот.

– Я вышла замуж совсем молоденькой. На последнем курсе музыкального училища. А Сергей уже защитил диссертацию. Через два года родила сына. Тут началась перестройка, и Сергею прекратили платить зарплату. Нам было очень трудно. Он брался за любую работу. Даже на рынке торговал, но из лаборатории не уходил. Все надеялся, что интерес к науке у властей появится. Не дождался. Плюнул на институт и организовал свою фирму. Через полгода мы зажили совсем по-иному. Проблем с деньгами не стало, но Сергея дома я видела все реже.

– Чем занимается фирма Сергея? – Перебил женщину подполковник.

– Я не очень и сама понимаю. Что-то связанное с кабельным телевидением.

– Спасибо. Вы курите? – Петр указал на пепельницу: – Я сам покурываю изредка, и дыма не боюсь.

– Спасибо, я не курю даже изредка.

– И правильно делаете. Я понял, что ваша семейная жизнь, если и не казалась вам слишком счастливой, но была вполне сносной. Так?

– Вы правы. Сергей любил гулять, но и меня не забывал. – И Полина густо покраснела.

– Не стесняйтесь. – Улыбнулся Ерожин: – В нашем деле часто именно мелочи приводят к разгадке. А все что вы мне скажете здесь, останется между нами. Продолжайте, пожалуйста.

– Последние несколько лет муж воспринимал меня как вещь, которой иногда можно попользоваться, но душевного внимания ни мне, ни сыну не уделял. Он жил своей жизнью, а я даже не берусь сказать, чем жила сама. Сын, подруги, квартира. У нас теперь большая квартира, на ее уборку уходит время. На работу по специальности я уже рассчитывать не могу. Музыкант с таким профессиональным перерывом – пустое место. А зарабатывать на жизнь чем-либо иным нужды не возникало. Сергей для нас денег не жалел. Но, как я уже говорила, ни на меня, ни на сына души не тратил...

– Это вас удручало? Вы устраивали мужу сцены? – Уточнил Петр.

– Нет. Так живут многие жены, чьи мужья в бизнесе. Я бы так жила и дальше. Но в последние два месяца до своего отъезда Сергей очень изменился.

– Хотелось бы теперь подробнее. Муж не ночевал дома?
– Наоборот. Он приходил после работы. Закрывался в своем кабинете и в спальню являлся под утро. Меня он замечать перестал. Вы понимаете, о чем я говорю?

Ерожин кивнул:

– А раньше с вашим мужем подобное случалось?
– Нет. Ему нравилось мое тело, и он был жадным любовником.

Петр снова кивнул, и что-то записал в блокнот:

– Вы не допускаете мысли, что он заболел?

– Как заболел?

– С любителями гульнуть, такое случается.

– СПИД? – Глаза Полины выразили ужас.

– Почему обязательно СПИД? На свете всякого добра хватает. Но и СПИД исключить нельзя.

– Нет. Если бы он заболел, я бы почувствовала. Человек, получивший страшную болезнь, не улыбается как идиотик. А у него я часто стала замечать блаженную улыбку. Он думал о чем-то своем и улыбался.

– Чем он занимался в своем кабинете?

– Он сидел над компьютером. Я слышала стук клавишей. – Полина перешла на шепот: – Мне даже иногда казалось, что он там не один...

– Почему вам так казалось?

– Сергей что-то бубнил себе под нос, а иногда смеялся. Как будто разговаривал с кем-то. Но я несколько раз проверяла. В кабинете никого не было.

– Может быть, он вернулся к науке? Ученые часто проявляют странности.

– Не знаю. Но он уехал, уехал навсегда и не скрыл от своего зама, что причина в женщине.

И потом эта цыганка...

– Вы были у гадалки?

– Да, вместе с вашей знакомой Таней Назаровой.

– Назарова ходит к гадалкам? – Переспросил Ерожин и услышал перезвон селектора.

– Что это? – Вздрогнула женщина.

– Очередной посетитель, но нас с вами это не касается. Им займутся мои сотрудники.

Пока Петр Григорьевич беседовал с Богаткиной, Надя прибиралась на кухне, Глеб читал газету, а Грыжин сидел у компьютера и одним пальцем выстукивал очередной месячный отчет. Когда перезвон селектора прозвучал вторично, генерал раздраженно крикнул:

– Кто-нибудь откройте дверь!

Глеб и Надя вместе бросились к парадному и провели пожилого посетителя в комнату Грыжина.

– Меня зовут Андрес Мурт. – Представился старик.

– Для иностранца вы неплохо говорите по-русски. Откуда вы, господин Мурт? – Поинтересовался Грыжин.

– Я из Эстонии. – Ответил Андрес и устало опустил в подставленное Глебом кресло.

– Все вы теперь иностранцы хреновы. – Себе под нос проворчал Грыжин: – Наш директор беседует с клиенткой. Хотите, рассказывайте нам, с чем пришли, хотите, ждите, пока он освободится.

– У меня пропал сын. Начальник с Петровки посоветовал обратиться в ваше бюро и предупредил, что придется платить. Я фермер, человек не богатый, но за работу всегда плачу.

– Подождите говорить о деньгах. – Улыбнулась Надя:

– Расскажите о вашей беде, если мы в силах помочь, тогда вернемся к этой теме. Хотите кофе?

– Спасибо, не откажусь. У вас есть место, где можно умыться?

Надя отвела посетителя в туалет и выдала ему чистое полотенце:

– Когда освободитесь, пройдете вот сюда. – И она махнула рукой в сторону кухни.

Через пять минут на белоснежной салфетке перед старым эстонцем стояла кружка с горячим кофе и лежали бутерброды. Мурт, не мешкая, принялся за дело.

– Вы давно в Москве? – Спросила Надя, наблюдая за трапезой старика.

– Я приехал утром и уже обошел полгорода. Ноги гудят. Спасибо вам. Подкрепиться мне было некогда. А за кофе я рассчитаюсь.

– О чем вы говорите?! – Возмутилась Ерожина. У нас не ресторан. Ешьте спокойно.

– Вы очень красивая и милая женщина. Ваш муж счастливый мужчина.

– Он директор этого бюро. Я вам рекомендую дожидаться, пока Петр освободится и рассказать все ему. – И Надя подлила гостю кофе: – Сделать вам еще бутерброд?

– Спасибо, я сыт.

Покончив с завтраком, Мурт достал платок, вытер губы и, еще раз поблагодарив Надю, уселся, сложив на столешнице руки. Они были большие, жилистые, с крепкими коротко подстриженными ногтями. Надя догадалась, что, отправляясь в Москву, старик долго приводил руки в порядок, смывая с них следы фермерского труда.

– В моем случае есть один деликатный момент. – Мурт из-под мохнатых седых бровей, посмотрел Наде в глаза. Посмотрел, словно размышляя, довериться этой красивой женщине или нет, и решился: – Сын приехал в Москву с большими деньгами. Он не стал заполнять декларацию, чтобы не иметь проблем на границе. В милиции я не сказал об этом, чтобы не навредить сыну. Конечно, если он еще жив...

– Не беспокойтесь. Мы частная фирма и информация наших клиентов дальше этих стен не идет. – Успокоила старика Надя: – А о какой сумме вы говорите?

– Семьдесят пять тысяч долларов. Я три года назад получил от правительства лес, до прихода ваших принадлежащий моей семье. Это пятьдесят шесть гектаров. Когда Матти заявил, что хочет жениться, я отдал ему тридцать гектаров, и он их продал. Вот откуда у него деньги. Я советовал провезти их через границу по закону, заполнив декларацию. Но сын послушал свою невесту и повез деньги, обходя правила таможни.

– Да, он поступил неосмотрительно... – Согласилась Надя: – Его не могли арестовать за это на границе?

– Нет. Сын мне позвонил из Москвы в день приезда и сообщил, что все в порядке. Больше я о нем ничего не знаю.

– Обязательно скажите об этом Петру. – Посоветовала Надя, и когда Ерожин освободился, отвела старика к мужу.

Беседовал Петр с эстонцем около двух часов и за работу по поиску Матти Мурта взялся. Выпроводив клиентов, подполковник навестил своих сотрудников в комнате Грыжина:

– Итак, коллеги, два расследования по исчезнувшим влюбленным. Странное совпадение. Радует, что хоть география обоих дел начинается на Ленинградском вокзале...

Грыжин убрал деньги, полученные от клиентов в качестве аванса, в сейф:

– С чего будем начинать, господин директор?

– Батя, свяжись со своими друзьями в ФСБ. Нам надо знать, пересекал ли Матти Мурт границу и сколько раз. Если он уехал из России, мы вернем старику аванс и расследование прекратим. И заодно поинтересуйся, не выехал ли за границу господин Богаткин.

– Есть, господин директор. – Пробурчал Грыжин.

– А ты, Глеб, выясни, не вступал ли молодой эстонец в брак с гражданкой России. Сведения эти нужны за полгода.

– А что господин директор прикажет своей помощнице? – Напомнила о себе Надя.

– Надюх, найди мне в Москве парня, который сечет в компьютерах.

– И это все?

– Напрасно, ты, Надюшка, улыбаешься. Это не так просто. Мне нужен высокий профессионал. А платить мы можем умеренно.

– Я такого парня знаю. И работает он у твоего родственника.

– Бог в помощь. – Ответил подполковник, и удалился к себе в кабинет. Ему нужно было время, чтобы переварить полученную информацию.

* * *

20 октября 2004 года.

Витя Новицкий вставал не раньше двенадцати. Ему на днях исполнилось двадцать семь лет, но про свой день рождения Виктор забыл. И если бы не шеф с подарком, наверное, и не вспомнил бы вовсе. Новицкий работал в фонде «Возрождение» и был единственным работником Всеволода Кроткина, которому разрешалось являться на службу по собственному желанию. Если в Новицком возникала срочная необходимость, Кроткин высылал машину и Виктора привозили в офис. Столь исключительное положение сотрудника объяснялось его уникальным даром. Работая с крупными западными компаниями, Сева хотел знать подноготную каждой фирмы, с которой начинал переговоры. И Новицкий уходил в Интернет, как моряки уходят в море. В виртуальном мире он плавал, как рыба в воде. Виктор мог вскрыть любой, даже секретный сайт, причем делал это столь тонко, что следов взлома хозяин заметить не мог. По характеру он был человеком одержимым и совсем не меркантильным. Иначе талант мог превратить его в компьютерного медвежатника. Добраться до чужих счетов в любом банке ему не составляло особого труда. Но тем ни менее если где-нибудь случался виртуальный взлом сейфа или грабеж секретной информации, его вызывали в органы. Два раза Виктор помог поймать хакеров, и ему даже хотели предложить перейти работать в службу «Р», но, собрав справки, от подобной мысли отказались. Образ жизни молодого человека со стороны казался подозрительным. Он обитал один в маленькой квартирке, заваленной компьютерной техникой. Женщину или девушку рядом с ним никто не видел. Новицкий не был геем, и объяснить его одиночество принадлежностью к этому племени не удавалось. У мужчин его странности вызывали чувство нездорового любопытства, а у женщин сентиментальную жалость.

Надя не раз слышала от Севы про Новицкого, и когда вчера Ерожин попросил найти компьютерщика, сразу подумала о нем. Не откладывая, она позвонила свояку:

– Севка, ты очень занят?

– Смотря для чего, сестренка. Если пригласишь меня поужинать, свободен. Если заставишь работать, занят как сто чертей. Шучу, Надька...

– Сева, мне нужен твой Новицкий.

– Для чего? Вы хотите взломать банк недруга? – Усмехнулся Кроткин.

– Я не знаю для чего. Но Петр попросил найти парня, секущего в компьютерах, ну а дальше сам понимаешь.

– Не очень понимаю, но дело это ваше. Мне своих хватает...

– Сева, если мы пригласим его временно поработать в бюро, он дорого запросит?

Кроткин долго и весело смеялся:

– Он вам еще приплатит, чтобы вы его не трогали.

– Тогда как быть? – Растерялась Надя.

– Ой, Надька, если бы не Петр, послал бы я тебя по-родственному туда, где темно и влажно. Но Петру отказать не могу. Не плачь, командирую Виктора к вам. Только имейте в виду, раньше часа дня он работать не начинает. Зато может сидеть до ночи. И еще, если он мне понадобится, все ваши дела по боку.

– Принято. Спасибо братик. – Повеселела Надя.

– Когда он вам нужен?

– Завтра.

– Хорошо, завтра в час дня Рудик привезет Новицкого на Чистые пруды. Ты довольна?

Надя была довольна. Просьбу директора она выполнила. Хоть Ерожин и являлся ей супругом, в бюро она была обязательным и ответственным сотрудником и родственных поблажек не хотела.

Сегодня, ровно в час тридцать, Рудик нажал кнопку селектора у парадного офиса на Чистых Прудах. Надя уже ждала их и открыла дверь. Вместе с Рудиком на пороге стоял молодой человек в вельветовой куртке. Его женственное красивое лицо, обрамленное светлыми, спадающими на плечи волосами, кроме усталости и равнодушия, ничего не выражало.

– Мы вас ждем. Проходите, пожалуйста. – Улыбнулась Надя.

– Это Виктор Новицкий. Мне поручено привезти его к вам. А сам я должен вернуться на работу. Всеволод Зиновьевич болезненно воспринимает мое отсутствие. – Заявил Рудик и попятился назад.

– Спасибо, Рудик. Конечно, вы можете возвращаться. – Надя закрыла за секретарем Севы дверь и повела Виктора в кабинет супруга. Новицкий рассеяно поздоровался с Ерожиным и, заметив компьютер на его столе, поморщился:

– Вы хотите, чтобы я работал с этим ихтиозавром?

– Нет, Витя. Садитесь, я должен с вами поговорить.

Виктор сел, откинул голову назад, так, что стали заметны синеватые круги под его усталыми глазами, и тяжело вздохнул:

– Если должны со мной говорить, говорите. Только без вводных частей. Прямо и по существу.

– Хорошо, Витя. Чай? Кофе?

– Я бы выпил рюмку коньяку, если у вас найдется приличный.

– Это к нашему генералу. Он пьет только армянский марки «Ани» и, если вы этот коньяк считаете приличным, мы его ограбим. – Улыбнулся Ерожин.

– Познакомьте меня с вашим генералом. – Неожиданно оживился Виктор. Ерожин провел Новицкого в комнату Грыжина и представил мужчин друг другу. Выказав восхищение вкусом отставного генерала, Виктор получил рюмку коньяка и вернулся в директорский кабинет. Лицо молодого человека порозовело, и он выслушал Ерожина с полным вниманием:

– Хорошо, я готов вам помочь. Но вопрос, связанный с моей командировкой, может решить только Всеволод Зиновьевич.

– Кроткина я беру на себя. – Поспешил заверить подполковник.

– И еще... У меня есть маленькая странность. – Сообщил Виктор, глядя на Ерожина глазами девственницы.

– Валяйте.

– В купе я езжу только в одиночестве. На самолете я не летаю вовсе. И если мне для жилья не предоставляют отдельного помещения, я тут же прекращаю любой вояж.

– Надеюсь, что все эти проблемы будут решены. – Стараясь удержать серьезное выражения лица, ответил Петр.

– И это еще не все. Если я покидаю свою квартиру больше чем на сутки, в ней должен находиться охранник. В моих компьютерах уникальная база данных, я не могу рисковать.

Ерожин вызвал в кабинет Глеба:

– Мой помощник Михеев. Эта роль ему вполне по плечу.

Новицкий оглядел двухметрового Глеба с ног до головы и удовлетворенно кивнул. Других условий у него не нашлось, и они с Ерожиным расстались друзьями.

* * *

Эстония. 25 октября 2004 года

Мурт вернулся на свой хутор с тяжелым сердцем. Он переночевал в Москве одну ночь и на следующий день снова поехал на Чистые Пруды. Начальника он не застал, но его милая жена сообщила старику, что его сын пересек границу только один раз. Россию Матти не покидал. Еще она сообщила, что ни один из московских загсов не регистрировал брака между гражданином Эстонии Матти Муртом и российской гражданкой. Его снова напоили кофе и предупредили, чтобы он по возвращении домой ждал гостей.

– Ты говорил с Матти? – Спросила Андреса жена, подавая ему на обед тушеную со свиной и перловкой капусту.

– Нет.

– Зачем же ты тогда ездил в Москву?

– Так было нужно. – Ответил Мурт и принялся за еду. За чаем, перед тем как встать из-за стола, он сказал жене:

– К нам приедут один или два русских мужчины. Каждый должен иметь свою комнату и свою постель. Позаботься об этом.

– Когда они приедут?

– Когда смогут, тогда и приедут. – На этом разговор супругов закончился, и Андрес пошел в свинарник. Во время отсутствия хозяина хряк застрял в заборе и повредил себе заднюю ногу. Вечером в доме Мурта раздался звонок:

– Привет, Андрес. Говорит Грыжин из сыскного бюро. Ерожин с Новицким выехали из Москвы в восемнадцать пятнадцать экспрессом «Эстония». Встречайте их завтра утром. И не забудьте устроить молодого человека в отдельном помещении.

– Да, я их встречу и все сделаю. – Пообещал Мурт и положил трубку.

Хутор фермеров находился за двадцать километров от уездного городка, в котором поезд делал двухминутную остановку. Андрес заправил машину и отправился спать. Жена еще хлопотала на кухне. Проходя в спальню, бросил:

– Русские приедут завтра.

Эстонский поезд опаздывал редко. В семь часов утра Мурт вышел на перрон и увидел вдали свет от прожектора локомотива. Москвичи появились из вагона первого класса. Это были единственные пассажиры, сошедшие на этой станции. В руках Ерожина Андрес увидел маленький чемоданчик, у молодого человека, который приехал с ним, багажа не было вовсе.

Петр крепко пожал старику руку и попросил не обращать внимания на своего спутника:

– Виктор привык вести ночной образ жизни, и проснуться в такое время не может. Он хоть и ходит, но на ходу спит и ничего не сообщает.

Мурт кивнул и повел мужчин к машине. Городок освещали фонари, но он был настолько маленький, что Ерожин едва успел заметить промелькнувшую в окне остроконечную лютеранскую церковь, ограду кладбища да светящуюся рекламу бара на площади. Потом они выехали из города. Шоссе было гладким, и разделительная полоса светила в фарах машины. Они проехали лес, поле, потом опять лес и свернули на проселок. Он был тоже гладким, покрытым мелкой щебенкой.

– Какие у вас прекрасные сельские дороги! – С завистью подметил Петр.

– Курат, хорошо, что прошел дождь. Иначе от пыли задохнешься. – Не поддержал восторга приезжего Мурт. Ерожин мог бы поспорить, что пыль далеко не самое страшное зло, но решил помолчать. Через некоторое время заговорил сам Мурт:

– Петр, не сообщайте жене о цели приезда. Она, наверное, и не спросит, но если вдруг. Скажите, что по делам.

– Хорошо, Мурт. Но почему?

– Если сын жив, зачем ее волновать? Если он погиб, она еще успеет поплакать. – Вздыхнул старик. И Петр вполне ощутил, с каким камнем на сердце живет этот человек.

Через минуту они подруили к хутору. Со стороны дороги дом и хозяйственные строения скрывали ели. Перед домом, на высоком столбе, горел фонарь, и лаяли собаки. Ерожин выбрался из машины и, не без труда, извлек спящего Новицкого:

– Парня надо положить спать. Пока он не проспит, толку от него не будет. – Предупредил он хозяина.

– Ему постелили у Матти. – Ответил Мурт: – А вам в спальне для гостей на втором этаже. Но сначала надо завтракать.

Ерожин стянул с Новицкого ботинки и опустил его на диван. Молодой человек тут же засопел. В комнате сына Мурта горела маленькая лампочка. На стене висело ружье, портрет какой-то девушки и новогодняя игрушка. На письменном столе стоял компьютер, рядом с ним монитор и две книжки на английском. Ерожин осмотрел обложки и понял, что книги специфические, для пользователей сети Интернет.

Завтракали молча. Берта поставила на стол огромную тарелку с бутербродами из салаки, и разлив мужчинам в кружки кофе, молча удалилась. Подполковник не умел плотно завтракать. Он с трудом осилил один бутерброд, выпил полкружки кофе и, поблагодарив хозяина, тоже отправился спать. В поезде выспаться не удалось. В пять утра разбудили на границе. И сейчас после кофе заснуть тоже не удавалось. Собаки во дворе поутихли, но проснулись петухи, и каждые десять минут оглашали окрестности хриловатым, надрывным кукареканьем. Ерожин встал, открыл дверь и вышел на маленький балкончик. На улице моросил дождик. Вокруг фонаря мутным шаром висела влага. Петр вернулся в постель и натянул на себе шерстяное одеяло. Одеяло пахло овчиной и хлебом. «Мужественные люди, – подумал он о хозяевах хутора. – Такое горе, а они держатся. И даже между собой не говорят о беде».

Новицкий проснулся к обеду и прямо с дивана уселся к компьютеру. И тут же возникла проблема. Виктор не знал эстонского языка. Для того чтобы вскрыть электронную почту, надо подобрать пароль. Пароль Матти наверняка придумал на родном языке. Пришлось на помощь звать Мурта.

– Андрес, скажите моему другу, были ли у вашего сына любимые слова? Ну, слова, которые он употреблял чаще других. – Попросил Ерожин.

– Эстонские мужчины мало болтают. – Ответил Мурт, но задумался: – Какое это должно быть слово?

– Из шести букв. Но пользователи часто пишут любимое слово, и если оно короче, добавляют букву, длиннее – обрезают. – Пояснил Виктор.

– Чаще всего мы говорим «Курат». – Улыбнулся Мурт.

– Да, я уже слышал от вас это слово. – Вспомнил Ерожин: – Что оно означает?

– Черт, оно означает. Это единственное ругательство, которое мы используем в разговоре без всякого смысла. Примерно, как русское слово «блядь». – Пояснил старик.

– Напишите мне это слово по-эстонски. – Попросил Виктор. Мурт взял бумагу и, смущаясь, выругался на ней. Виктор проверил слово «Курат» в разных комбинациях, но почта открываться не желала.

– Найдите мне эстонско-русский словарь. – Потребовал молодой москвич. Мурт открыл книжный шкаф сына и достал книжку:

– Вот вам. У меня много работы. Я могу идти?

– Да. – Ответил Новицкий и, посмотрев на Ерожина, добавил: – И вы тоже. И закройте за собой дверь.

Через час Виктора позвали обедать, но он отказался. Не вышел Новицкий и к ужину.

– Он, курат, умрет с голоду. А хоронить его дорого. В нашем контракте такого пункта нет. – Проворчал Мурт за ужином.

– Виктор своеобразный молодой человек. Я знаю его мало, но это уже понял. – Улыбнулся Ерожин. В одиннадцать вечера Новицкий вышел из комнаты Матти. Глаза его сверкали. От сонного равнодушия, в котором он обычно пребывал, ни осталось и следа:

– Нам тут больше делать нечего. – Сказал он Петру.

– Ты что-нибудь нашел?

– Я нашел его невесту. Это ее портрет на стене. Их переписка у меня на дискете. И теперь я всю его начинку могу считать со своего ящика в Москве. – Ответил Виктор.

– Молодец! Тебе надо поесть. – Обрадовался подполковник.

– Свинину и капусту я не употребляю. А больше в доме ничем не пахнет. Попросите его дать мне сырое яйцо, и поехали.

Подполковник не понял:

– Куда ехать? Сейчас ночь. Единственный поезд на Москву уже прошел.

– Нам нужно в Питер? Пусть подбросит до границы, а там возьмем такси. У меня нет времени торчать в этой дыре. – Упрямо заявил Виктор.

Андреса желание молодого гостя вовсе не удивило:

– Деловой человек не хочет зря тратить время.

Мурт выгнал из гаража машину и, пока прогревался мотор, принес Виктору корзиночку с яйцами. Яйца были не только свежие, но еще и теплые. Ерожин вспомнил утренний петушинный крик и понял, петушки Мурта свое дело знают.

Через два часа они были в Нарве. Попрощавшись с фермером и пообещав держать его в курсе расследования, Петр с Виктором перешли обе границы и оказались в Ивангороде. Около ночного бара «Иванушка» торчал единственный таксист. Водитель крепко спал, и Ерожину пришлось стучать в окно:

– Сколько возьмешь до Питера?

Таксист протер глаза, осмотрел потенциальных клиентов и запросил две тысячи.

– Дорого.

– Дорого, топай пешком. – Водитель сплюнул и потянулся закрывать окно.

– Поехали, я штуку добавлю. – Предложил Виктор.

– У меня деньги есть. Но это же наглость. Я прекрасно знаю, что они здесь возят за тысячу.

– Днем, может, и возят. – Согласился таксист: – А ночью вас кроме меня все равно никто не повезет.

Торг закончился в пользу владельца таксомотора. В машине Ерожин пытался дремать, а Виктор достал из кармана мобильный телефон и начал с ним проделывать разные штуки.

– Что ты делаешь? – Удивился Ерожин.

– Я имею право на личную жизнь? – Строго спросил Виктор.

– Конечно, имеешь, но ты же ни с кем не говоришь.

– Я беседую с женщиной по Интернету.

– Через телефон?

– В этом телефоне компьютерной памяти как в трех ящиках на хуторе эстонца. Все, не мешайте.

Ерожин отвернулся и больше вопросов не задавал. В пять утра они въехали в Санкт-Петербург. Таксист разбудил Петра:

– Говорите адрес.

Подполковник просмотрел на Виктора, который продолжал играть телефоном, достал из кармана блокнот, отыскал адрес Полины и, сообщив его водителю, заснул снова.

* * *

3 февраля 2004 года

«Привет, девчонка. Никогда не знал, что городские так любят лес и так хорошо разбирают сельскую жизнь. Вот только о скотине я не согласен. Ты говоришь, что тебе жаль резать скотину на мясо. Но свинья есть свинья. Ее нельзя держать в доме как собаку или кошку. Потом, свинья надо сильно кормить. А зачем кормить, если нет польза. Я так думаю.

Я рад, ты правильно понимаешь семейную жизнь как помощь одна другому. У нас, эстонцев, слово жена «абикааса» можно переводить на русский как помощник. И не слушай дураков, кто говорит, что эстонские мужчины не умеют любить своих жен. Мы мало говорим о любви, но хорошо все делаем. Ты убедишься сама, что Матти нормальный мужчина и с ним все в порядке. Если мы поженимся, я буду о тебе заботиться, и ты не узнаешь никакой нужды. Мы можем открыть семейный бизнес. Я буду поставлять сыр и свинину в Россию, а ты наладишь сбыт продукции. Давай каждый делать свою часть работы, чтобы быстрее жить одна семья».

Твой Матти.

* * *

6 марта 2004 года

«Дорогой мой фермер, милый и добрый. Я сегодня во сне видела нашу общую спальню. Мы с тобой спали вместе, а на дворе паслись твои коровки. Я проснулась оттого, что у меня ныла грудь. Мне так не хватает тебя, любимый.

Теперь о деле. Под Москвой тоже есть фермы. Но в магазинах у нас продукты заграничные. Этот рынок очень наполнен, и на нем большая конкуренция. Мои близкие друзья, которым я рассказала про нашу любовь, советуют нам купить небольшой цех по обработке дерева. Такой цех есть. Он стоит сто пятьдесят тысяч долларов. Половину этой суммы я имею. Если бы ты нашел еще половину, мы бы смогли откупить этот цех. Ты же с лесом знаком, и сумеешь наладить выгодное производство.

Знаешь, о чем я мечтаю. У нас свой дом и большая столовая. В ней ты, я, и трое наших детей. Все мальчики, все с белыми, как у тебя, волосиками. А на столе большая сковородка с жареной свининой. Ты прав. Хоть и жалко свинок, но мясо у них очень вкусное».

Твоя Леля.

* * *

Санкт-Петербург 26 октября 2004 года

– Кто там? – Сонным голосом поинтересовалась Полина. Услышав мелодию звонка в прихожей, она не сразу поняла, в чем дело. За окном и не думало светать. Она заглянула в комнату сына. Мальчик спал, натянув на голову одеяло.

– Петр Ерожин с Виктором Новицким. – Услышала Полина и, только переспросив два раза, сообразила, что за дверью москвичи.

– Простите, Полина, что так рано, но мы прямиком из Эстонии. Мой друг очень спешит, а он в нашей поездке главный. – И Петр представил своего попутчика.

– Ой, мужики. Я еще ничего не соображаю. И простите за вид. Женщине после тридцати нужно хоть полчаса после койки, чтобы не смахивать на пугало. – Оправдывалась Полина, пропуская гостей в зал.

– Вы неплохо смотрите. – Успокоил хозяйку подполковник. Сделал он это, не кривя душой. Раскрасневшаяся после сна Полина выглядела куда привлекательнее, чем при полном параде в офисе на Чистых Прудах.

– Не смущайте женщину. – Полина разругалась еще больше и стрельнула глазками в Виктора. Внешность молодого москвича женщину поразила. Таких красивых мужчин ей по жизни встречать не пришлось. Но Виктор заинтересованного женского взгляда не заметил:

– Сейчас я буду долго спать. – Заявил он и протянул Полине корзину с яйцами.

– Что это? – Удивилась Богаткина.

– Не помню.

Помог Ерожин:

– Это куриные яйца с эстонского хутора. Подарок фермера.

Полина осторожно взяла корзиночку:

– И что мне с ними делать?

– Что хотите. Но сначала, если можно, постелите ему в кабинете мужа. Когда Новицкий просыпается, он сразу начинает работать, – попросил Петр.

– А как он будет работать? – Не поняла хозяйка.

– Он постарается понять, что делал ваш муж ночами в кабинете. – Усмехнулся Ерожин: – Но перед этим он должен долго спать.

Через десять минут Новицкий уже посапывал в кабинете Богаткина, а Ерожин пил кофе на стерильной кухне и беседовал с хозяйкой.

– За время, что мы не виделись, новостей нет?

– Нет, Сергей на фирму так и не позвонил. Ну, естественно, и мне тоже.

Прекрасный швейцарский сыр, и черная икра приятно отличались от меню эстонского фермера, и Ерожин завтракал с удовольствием:

– Вы прекрасная хозяйка. Я бы на месте вашего супруга, так не поступил...

– Спасибо. Расскажите, кто этот мальчик, что приехал с вами? – Подливая гостю кофе, поинтересовалась Полина. Поинтересовалась как бы между делом, но Петр прекрасно понял, что его спутник произвел на женщину впечатление.

– Виктор блестящий компьютерщик. А как о человеке я о нем знаю мало. Но он не женат и, кажется, равнодушен к деньгам.

– Это не мое дело. Я так спросила. Красивый мальчик... Может и вам, Петр, постелить?

– Нет. Я бы съездил на фирму вашего мужа и побеседовал с его заместителем и другими сотрудниками. – Ответил Ерожин.

– Они раньше девяти в офисе не появятся. Так что можете часик поспать. А я провожу сына в школу и приготавливаю вам обед.

– Позвоните Назаровой. Она наверняка уже не спит. В милиции начинают работать рано. А я бы с ней побеседовал. Вы, если не ошибаюсь, вместе у гадалки были?

– Пожалуйста. – Понимающе улыбнулась Полина и позвонила подруге: – Танюш, твой друг Петр Григорьевич в Питере. Чего ты молчишь? Ты меня слышишь?

Назарова ее прекрасно слышала. Но растерялась. Увидеть Ерожина она никак не ожидала. Наконец, она обрела дар речи. Полина передала москвичу трубку, а сама, чтобы не мешать беседе, ушла. Закончив разговор, Ерожин поблагодарил хозяйку за завтрак и распрощался. Проводив подполковника, Богаткина направилась в ванную и обстоятельно принялась «приводить себя в порядок».

– Мама, сколько можно торчать в ванной? Я в школу опоздаю. – Павел в трусах и шлепанцах топтался у дверей, не понимая, что происходит.

– Мог бы умыться в другом туалете. Там же есть раковина.

– Я привык умываться в ванной. – Упрямо возразил Павел.

– Хорошо, Паша, иди. Я уже.

– Ты чего, в театр собралась? – Удивленно разглядывая мать, предположило чадо.

– Кто в восемь утра в театры ходит, да еще и в халате? Просто у нас гости из Москвы. Не хочу выглядеть распустехой.

– Гости, это тот мужик, что у папы в кабинете спит?

– И он тоже.

– Я заглянул, подумал – баба. У него волосы такие длинные. Потом присмотрелся, вроде мужик...

– Зачем мешал человеку спать? – Рассердилась Полина.

– Откуда же я знал, что он там. Я тихо вышел. Он не проснулся.

– Ладно, хватит трепаться. Быстро умывайся и завтракать...

Спровадив сына в школу, Полина прошлась по квартире в поисках пыли или другого беспорядка. Но все сияло чистотой. Тогда она уселась к роялю и неожиданно для себя заиграла. Играла этюд Шопена. Пальцы сами вспоминали клавиши. Как будто и не было всех этих лет без музыки. От первого до последнего аккорда она ни разу не сбилась, ни разу не сфальшивила.

– Молодец...

Полина оглянулась, и щеки ее сделались пунцовыми. На пороге стоял Виктор.

– Простите, я вас разбудила? Я не хотела. У нас в квартире специальная изоляция. В кабинете не должно быть слышно.

– Все нормально. Я музыку не слышу. Я ее чувствую кожей. Как чувствуют солнечное тепло или дуновение ветра. А играла ты прекрасно.

– Спасибо. Я лет пять за рояль не садилась.

– Поиграй еще... – Попросил Виктор и забрался с ногами в кресло. Полина сыграла еще два этюда. Виктор сидел молча с закрытыми глазами.

– Пойдем в спальню. – Неожиданно предложил он, когда она перестала играть.

– Что? – После Шопена предложение гостя звучало несколько смело. Полина смотрела на молодого москвича своими раскосыми глазами и не знала, обижаться ей или превратить его предложение в шутку.

– Я тебя очень хочу. – Тихо и серьезно признался молодой человек. Я никогда не спал с реальной женщиной. А тебя я хочу. Пойдем в спальню. – Он подошел к ней, взял ее за руки и приподнял с вертящегося кресла.

Полина не могла понять, что с ней происходит. Она и не заметила, как они оказались на супружеском ложе Богаткиных. Виктор снял с нее халат и осмотрел с ног до головы. Дотрогнулся рукой до ее большой налитой груди с темным соском, потрогал живот, раскрыл ей губы. Потом лег рядом и стал целовать ей грудь, живот, бедра. Полина внезапно ощутила острое желание. Она ждала его, тая в его руках, вздрагивая от прикосновений его губ к своему телу.

– Прости, ничего не получится. Я так не умею...

– Что ты так не умеешь, милый? – Прошептала Полина.

– Я привык любить виртуально. А в жизни у меня не получается.

Полина тряхнула головой, приподнялась на локти и посмотрела на Виктора. В его глазах стояли слезы.

– Ты плачешь?

Виктор сел на кровать и, отвернувшись от Полины, тихо заговорил:

– Первый раз я обладал женщиной в пятнадцать лет. Она была африканкой из Сиднея.

– Ты побывал в Австралии?

– Я никогда не был в Австралии. Мы нашли друг друга по Интернету. А потом каждую ночь встречались по Аське.

– Что такое Аська?

– Темное ты существо. – Сквозь слезы улыбнулся молодой человек: – По Аське можно говорить через океан в реальном времени. Можно любить, передавая все оттенки своих чувств. Я тогда первый раз испытал оргазм. Потом у меня были другие женщины. Иногда по пять за одну ночь. Но это все виртуально. А так, как мы сейчас с тобой, я никогда не пробовал. Мне это казалось пошлым натурализмом. Даже скотством. Твоя музыка меня возбудила. Но, видишь, без толку.

– Бедный мальчик. – Прошептала Полина.

– Не надо меня жалеть. Я счастлив. Но не в этом, не в вашем мире. – Виктор поднялся и медленно двинул из спальни. Полина повалилась некоторое время. Потом тоже встала, оделась и вышла в коридор. Дверь в кабинет мужа осталась приоткрытой. Виктор сидел у компьютера в том же виде, что был у нее в постели.

– Ты же простудишься, дурачок. – Сказала она нежно.

– Мне не холодно. – Ответил он, не оборачиваясь.

– Пошли завтракать.

– Не хочу. Принеси мне рюмку приличного коньяка.

Она принесла ему коньяк и вышла в зал. К роялю ее больше не тянуло. Она села в кресло и включила телевизор. Огромный экран вспыхнул очередным мыльным сериалом. По утрам их передавали безостановочно. Она смотрела, как красивые и пустые люди изображают страсти, и ей хотелось заплакать. Сколько времени прошло, она сказать не могла. Виктор явился в зал одетым, подошел к ее креслу и уселся на пол:

– Когда вернется Ерожин, скажи ему, что я свою работу закончил. Пусть отправляется в Москву. Завтра к концу рабочего дня я доставлю ему в бюро полный отчет. Мне нужно время, чтобы выявить адреса.

– Что с моим мужем? – Машинально спросила Полина и поняла, что судьба Сергея ей сейчас безразлична.

– Я этого сказать не могу. Но он попал в аферу в нашем, виртуальном мире. Дальше будет работать Петр. Прости меня, как тебя зовут? Когда нас познакомили, я спал.

– Полиной меня зовут. Прощай, мальчик. Ты очень хороший.

– Прощай, Полина. – Виктор поднялся и медленно пошел к двери. У порога остановился и достал свой телефон: – Можно я тебя сфотографирую?

– Как, телефоном?

– В нем есть фотоаппарат и видеокамера. – Он сделал снимок и грустно улыбнулся: – Жаль, что ты не плаваешь в сети. Мы могли бы стать счастливой парой.

Полина закрыла за ним дверь, пошла в кабинет мужа, взяла бутылку коньяка, что приносила Виктору, наполнила его рюмку до краев и залпом выпила. Одно из предсказаний гадалки свершилось. Странную любовь она уже встретила...

* * *

Москва 27 октября 2004 года.

Подполковник Волков злился на подчиненных. Нельзя сказать, чтобы отдел работал хуже, чем всегда. Но за три последних недели на них свалилось пять громких убийств, и ребята не успевали. С утра Тимофея вызывали на ковер, затем он устраивал совещание в отделе и разносил своих. Сегодняшний день опять зримых результатов не дал. Подполковник распорядился арестовать двоих подозреваемых, но для прокуратуры материала не хватило, и ордер ему не подписали. Трое из пяти свидетелей, на которых Тимофей очень рассчитывал, на допрос

не явились. А один из пришедших от своих прежних показаний отказался. Волков понимал, что отказался от страха. Свидетель и не скрывал мотивов. «Да, я боюсь, – признался полный мужчина с наголо обритым черепом. – У меня семья, дети. Как вы меня сможете защитить?» Тимофей говорил слова о гражданской сознательности, но в глубине души понимал, что свидетель прав. Защитить его и его семью милиция не в состоянии. Когда касалось больших денег, бандиты в средствах не стеснялись.

«Как хорошо было работать под началом Ерожина. – Подумал Волков: – Делай свое дело и все. Начальство дергало Петра Григорьевича. А теперь все шишки валятся на меня». Мысли прервал телефонный звонок. Волков взглянул на часы и снял трубку.

– Тимофей, надо повидаться. – Услышал он голос бывшего шефа.

– Петр Григорьевич, не поверите!? Только сейчас про вас думал.

– Гадость какую-нибудь...

– Совсем наоборот. Заколебало меня начальство. Работать не дают спокойно. А с вами я сидел как за каменной стеной.

– За все хорошее надо платить. – Усмехнулся подполковник: – У меня к тебе дело. Помнишь эстонца, что ты неделю назад ко мне прислал?

– Конечно, помню. Славный старик. Жаль его. Что-нибудь нарыли?

– Нарыл невесту. Но подробно по телефону не хочу. Тут крупняком пахнет. Ты бы мог после работы ко мне на Чистые Пруды заскочить?

– Как вам откажешь? Приеду. – Улыбнулся Тимофей.

– У нас теперь звание одинаковое. Пора на «ты» выпить. Приедешь, совместим приятное с полезным.

Волков спорить не стал:

– Как прикажете. – И положил трубку.

В дверь бюро он позвонил в половине седьмого.

– Заходи, Тимофей. Я всех своих отпустил, чтоб без суматохи поговорить. – Ерожин провел бывшего подчиненного в свой кабинет, выдал вешалку для плаща и указал на кресло. Волков мельком взглянул на директорский письменный стол и увидел кипы бумаг с компьютерной распечаткой и с десятков фотографий красивой девушки:

– У Вас тут целый архив. Не запутались?

– Садись, Тимофей. Дело непростое. – Ерожин подождал, пока гость усядется, выдвинул свое кресло и сел рядом:

– Завелась в Москве девица, которая по Интернету знакомится с мужиками, пудрит им мозги, а потом эти мужики исчезают.

– Эта? – Волков указал на снимки.

– Она самая.

– И во всех видах...

Ерожина наивность коллеги позабавила:

– Далеко не во всех, Тимофей. Снимки весьма пристойные. Самый откровенный всего лишь в купальнике.

– Хорошо, пусть будет по-вашему. Но, простите, я вас перебил...

– Ничего, я продолжу. Так получилось, что в день, когда ты мне прислал эстонца, ко мне приехала женщина из Питера. У эстонца пропал сын. У нее муж. До отъезда в Москву оба много времени проводили у компьютера. Я, вернее, Надюшка, отыскала классного спеца, он и раскопал, что сына Мурта и мужа ленинградки вызвала в Москву одна и та же особа. Но это не все. Мой компьютерный гений вытащил еще семнадцать мужиков, которые переписывались по Интернету с этой девицей. Все они, за исключением двоих, иностранцы. И с каждым из них посредством электронной почты велась одна и та же игра. И высылались эти фотографии. Вот почитай их переписку.

Тимофей прочитал несколько писем и обратил внимание, что инертные адреса разные:

– Как твой гений пришел к выводу, что девица одна и та же?

– По фотографиям. Но не только. Он провел удивительную работу. Выбрал слова, которые часто встречаются в ее письмах, и как-то добрался до остальных адресатов. Переписка девицы с ее кавалерами длится три-четыре месяца. После чего они созревают и отправляются в Москву. – Ерожин передал Тимофею список мужчин, попавших под чары аферистки. Волков внимательно прочитал его и засомневался:

– Не верится, чтобы столько взрослых мужиков, не узнав свою виртуальную подругу лично, «дозревали» до брака? Что-то тут не так.

– Все так, Тимофей. Мы, мужики, до смерти большие дети, и в глубине души каждый надеется найти свою Джульету. Положа руку на сердце, скажи, что я не прав?

Волков красноречиво промолчал. Ерожин выдержал паузу и продолжил:

– Девчонка ловко разыгрывает эту карту.

– Если даже, вы правы, каким образом, я могу вам помочь? Начинать официальное расследование пока нет оснований.

– Я постараюсь добраться до влюбленных иностранцев или их семей. Двоих соотечественников я уже разыскал. Один живет в Хабаровске, другой в Краснодаре. Тот, что в Хабаровске, по словам матери, год назад выехал в Москву, и ни одного письма. Краснодарский пока на месте. Я хочу к нему слетать. А основанием может послужить заявление Мурта о пропаже сына. Молодой эстонец въехал в Россию и пока ее пределы не покидал.

– Петр Григорьевич... – Запричитал Волков: – Знаете, сколько нелегалов живет в Москве?

– Догадываюсь, Тимофей. А точно знать теперь твоя работа...

– И потом, сами прикиньте: девятнадцать человек, из которых трое уже исчезли...

– Исчезли, не трое, а шестнадцать. Это видно по числам. Причем, очевидно, в каждом случае прибывший в Москву «жених» по приезде отзванивал родным, а потом исчезал. Я уверен, что конец переписки «влюбленных» и прибытия жениха в Москву связаны сутками. – Ерожин разложил письма по порядку и передал Тимофею.

– Допустим. Но если предположить, что девица расправляется со своими жертвами, где трупы? Не может такое количество людей пропасть бесследно. А если живы, они клиенты не моего отдела.

Ерожин встал и прошелся по кабинету:

– Помоги найти девицу. Как хочешь, но помоги. Моих сил не хватит прочесать Москву.

– А что я могу? Вы же прекрасно знаете, найти человека по фото в огромном городе полный дохлак.

– Естественно, понимаю. Но вдруг она уже проходила по нашему ведомству? – Предположил Ерожин.

– Поискать через ОРО?

– Конечно.

– Хорошо, это я сделаю. Когда вам нужны сведения?

– Вчера... – Рассмеялся Ерожин: – Ладно, Тимофей, я слетаю на сутки в Краснодар, а по возвращении надеюсь получить с тебя хотя бы отрицательный ответ.

– Годится.

– Айда на кухню. – Ерожин раскрыл дверь, подпихнул Тимофея и пошел за ним по коридору. В маленькой кухоньке он запустил руку под стол, извлек бутылку армянского коньяка, выставил рюмки и достал лимон из холодильника:

– Пора на брудершафт, Тимофей. Хватит, подполковник, мне «выкать».

– Неловко как-то, Петр Григорьевич...

– Было неловко, будет ловко.

Мужчины выпили и, как положено, троекратно расцеловались.

– Теперь пошли. Я запру офис и в Домодедово.

Выйдя на улицу, мужчины крепко пожали друг другу руки.

– Удачи вам... Ой, тебе Петр. – Спихватился Волков, и они весело расхохотались.

* * *

Краснодар 28 октября 2004 года

Очередным женихом любвеобильной москвички оказался сорокапятилетний краснодарский архитектор Кружилин. Михаил Степанович не только курировал городское строительство, но и состоял в комиссии по приватизации жилья, и человеком слыл не бедным. Жил архитектор в новом доме на проспекте Плеханова. Дом окружал высокий забор, где в воротах имелся шлагбаум для въезда машин и будка, в которой сидел охранник.

Внимательно разглядев удостоверение подполковника, сторож позвонил в квартиру Кружилина.

– Тут до вас из Москвы приехали.

Архитектор велел передать Ерожину трубку и строго поинтересовался, с кем говорит.

– Я знакомый вашей невесты Лиды. Она и дала мне адрес. – Схитрил Ерожин. Имя невесты он знал из подписи под письмами аферистки, а как он получил адрес Кружилина, объяснять не обязательно. Архитектор тут же распорядился москвича пропустить, и сам, в шикарном белом халате, с улыбкой радушного хозяина встретил его у лифта. Мужчины поздоровались, и Петр Григорьевич очутился в огромной квартире с чучелом медведя в холле. Косолапый стоял на задних лапах, а в передних держал медный поднос для визиток. Усадив посетителя в кресло, Кружилин ревнивым взглядом изучил московского гостя:

– Что поручила вам моя ненаглядная? Кстати, я не знал, что у нее в друзьях есть и подполковник милиции.

Ерожин с трудом сдержал улыбку:

– У нее в друзьях люди разные. Вот об этом мы с вами и поговорим. Вы познакомились по Интернету?

– Да, а какое это имеет значение? – Подтвердил архитектор, но улыбаться перестал.

– То, что я сейчас скажу, вам не очень понравится, но вы мужчина взрослый и должны уметь принимать удары.

– С Лидой несчастье?!

Ерожин заметил, как побледнел Михаил Степанович и поспешил его успокоить:

– Нет, с вашей «невестой», к сожалению, все в порядке. А вот вас могут ждать крупные неприятности. – И в общих чертах обрисовал положение дел.

– Не может быть? – Прошептал Кружилин, выслушав рассказ москвича: – Докажите!

– Пожалуйста. – Подполковник достал из кейса фотографию «невесты» и несколько писем, подписанных разными именами. Кружилин убежал куда-то, надел очки и, удерживая листки дрожащими пальцами, стал читать, быстро шевеля губами.

– Так здесь разные девушки. Да и письма совсем разные... – Прошептал он, с возмущением глядя на Ерожина: – Вы не зна...

– Подписи разные, а фотография одна. – Жестко перебил Петр Григорьевич: – Ваша, с позволения сказать, «невеста» тонкий психолог. Она находит нужные слова для питерского бизнесмена, эстонского хуторянина, и вас, человека творческой профессии.

– Да, Лида прекрасно знает градостроительство. Но как же она могла привести мои цитаты из доклада на Гамбургском конгрессе. Это не вероятно! Она выразила восхищение моим докладом и привела целые фрагменты из него...

– А вашего доклада нет в Интернете? – Спросил Ерожин.

– В Интернете он, конечно, есть.

– Вот вам и разгадка.

– Все равно не верю.

Ерожина архитектор начинал злить:

– Можете не верить, но я считаю, что виртуальное знакомство с этой красоткой может стоить вам не только денег, но и жизни. Ее женихи обычно отправляются в Москву не с пустыми руками, а потом исчезают.

– Какой кошмар. – Кружилин вынул из кармана халата белоснежный платок и вытер лоб:

– Что же мне делать?

– Когда вы намеревались вступить с Лидочкой в брак?

– В конце следующей недели.

– Под разными предложениями оттяните свой отъезд. Но переписку не прекращайте. Иначе она почует неладное и может смыться. А ее надо словить. – Предупредил подполковник.

– Почему я должен вам помогать? – Возмутился Кружилин.

– Потому что я вам сделал царский подарок. – Усмехнулся Ерожин.

– Что за чушь! Какой подарок?! – Архитектор вскочил с кресла и кругами забегал по комнате.

– Я, Михаил Степанович, между прочем, почти уверен, что подарил вам жизнь.

Кружилин опять плюхнулся в кресло и еще раз вытер платком вспотевший лоб:

– Хорошо. Но я не понимаю одного. Если дело настолько серьезно, почему им занимаетесь вы, частный сыщик, а не милиция?

– Потому что не найдено ни одного трупа. Нет оснований возбуждать уголовное дело. Вы же знаете законы.

– А если вы ошибаетесь? И клевете на ни в чем не повинную девушку? Вы ведь сказали неправду. Вы ее не видели.

– Если я ошибаюсь, дай Бог. – Ерожин встал и с сожалением посмотрел на несчастного влюбленного: – Но вашу невесту никто не видел. Я уверен, все девятнадцать женихов видели только ее фото в Интернете. И это было фото одной и той же девушки.

– Хорошо, я вам буду помогать. – Кружилин встал, неожиданно схватил Ерожину за руку и потащил на кухню. Петр не успел опомниться, как его усадили за стол. Огорченный жених открыл холодильник и стал быстро выставлять закуски. Банки с икрой, красная рыба и ветчина возникали, как на скатерти самобранке. Затем на столе появилась бутылка шведской водки и две рюмки.

– Я не голоден, и с утра не пью. – Пытался отказаться Ерожин.

– Вы обязаны со мной выпить и меня выслушать. – Категорическим тоном заявил хозяин.

Петр понимал, что, открыв Кружилину горькую правду, должен смягчить его стресс:

– Хорошо, если вам от этого станет легче. – Улыбнулся он.

– Да, мне от этого станет легче. – Архитектор разлил водку, не дожидаясь гостя, выпил, и быстро заговорил: – Знаете, я три года назад овдовел. Дочка вышла замуж и переехала к мужу. Я остался один. На знакомства с женщинами нет времени. Да и каждый мой шаг здесь как на ладони. В поездках отрывался. Но потаскухи родного человека не заменят. – Он снова налил себе водки, причем сделал это столь порывисто, что роскошный халат расстегнулся, оголив его волосатую грудь. Осушив рюмку, Михаил Степанович продолжил монолог: – Одиночество страшная вещь. Вы не знаете, как тошно ложиться в постель с мыслью, что ты никому не нужен! Не верьте тому мужику, который бахвалится о самодостаточности! Не верьте! Все наши успехи, все наши подвиги к черту не нужны, если ими не восхищается женщина. Даже граф Толстой, когда его приглашали читать, спрашивал: а дамы будут? И если дам не было, читать не ехал. А это сам Толстой! Вы пейте. Что же я один?

– Я уже выпил. – Соврал Ерожин. Но Михаил Степанович не заметил. Он спешил выговориться:

– Не скрою, местные красотки клали на меня глаз. Денежки, квартира... Ну, вы понимаете?... Но не хочется покупать любовь. А Лида так меня понимала...

– Вы еще не поняли, что ваша Лида матерая аферистка? И хорошо еще, если только аферистка. Я чувствую, что она очень опасна. Ее надо остановить.

– Да, да... Я вам помогу. Но как?

– Для начала выдайте мне адрес вашей электронной почты. – Электронный адрес архитектора Ерожин имел от Новицкого, но пользоваться им без ведома хозяина считал неэтичным. Михаил Степанович поднялся и вышел из кухни. Вернулся он с визиткой в руках:

– Возьмите. Здесь и телефон, и то, что вы просите. Теперь я многое вижу в другом свете.

– Что вы видите? – Ерожин сделал стойку в надежде получить новую информацию, но получил лишь подтверждение своих догадок. Лида предлагала жениху купить им квартирку на Мосфильмовской улице в Москве. А квартиры там стоят до миллиона и не рублей, а долларов. Подполковник встал и протянул хозяину руку:

– Мне пора.

– Вы уже уходите? – Огорчился Кружилин: – Не покидайте меня в такую минуту.

– Будьте мужчиной. Вы еще встретите свою любовь. Я женился почти в полтинник и счастлив. – Улыбнулся Ерожин и пошел в прихожую. Перед чучелом медведя он остановился, достал из портмоне свою визитку, кинул ее в медный поднос и крикнул хозяину: – Мои координаты у косолапого. Держите меня в курсе. Можете звонить и днем и ночью.

Архитектор кивнул, в очередной раз подлил себе водки и остался сидеть, склонив к столу голову. Он слышал, как гость захлопнул за собой дверь, но не пошевелился. Так он сидел минут пять. Затем залпом осушил рюмку не закусывая, бросился в свой кабинет и включил компьютер.

* * *

Москва 28 октября 2004 года

– Ну что тут неясного?! Черепно-мозговая травма, а попросту, проломили ему башку. Или молотком по темечку дали, или обратной стороной топорика. – Ключицын накрыл труп простыней и посмотрел на часы. Он сегодня намеревался перехватить Женю Круглову после рабочего дня и опасался зазнобу упустить. Родители Ключицына отбыли заколачивать дачу к зиме, и сын на сутки получал в свое распоряжение городскую квартиру. В двадцать восемь лет упускать такую возможность обидно. А тут этот алкаш с проломленным черепом.

– Мне нужна точность. – Настаивал Майор Вязов. Мне же завтра утром задержанного допрашивать.

– Да напишу я тебе, Дима, заключение по всей форме. Слова будут другие, а смысл тот же. Типичное бытовое убийство... Ты сейчас куда?

– В Управление... – Вдохнул Вязов, поскольку рабочий день подходил к концу, но подполковник Волков ждал отчета.

– Ты на тачке?

Вязов кивнул.

– Тогда подбрось меня до проходной. – Обрадовался молодой медэксперт.

– А тебе-то зачем? Пока доедем, и рабочий день кончится.

– Отчет тебе писать. – Соврал Вадим, и покраснел как гимназистка. Вязов думал о своем, и смущения коллеги не заметил:

– Ладно, поехали.

Вадим с удовольствием плюхнулся на заднее сидение, и они покатали к Петровке. В управлении Ключицын работал уже больше года, куда был переведен из райотдела как перспективный растущий специалист.

– Приехали, «дохтур». – Вязов хлопнул молодого человека по плечу, и они выбрались из машины.

Поблагодарив майора у ворот Управления, Ключицын бегом миновал проходную и аршинными шагами двинул к ОРО. Расшифровывались эти три буквы как отдел розыска преступников. В колоссальной базе данных управления имелись фотографии всех, кто когда-либо переступил закон. Чтобы обнаружить злоумышленника, надо было ввести его фотографию в компьютер, и машина сама искала в своих недрах нужного фигуранта. В зале ОРО стояло с десятков столов, снабженных новейшей электронной техникой, и работал кондиционер. В отделе в основном трудились девушки и молодые женщины, и лишь руководил ими подполковник Глазов, которому давно бы пора на пенсию. Сотрудницы между собой его звали «Лешим» и побаивались. Стол начальника пустовал, по этой причине и работницы начали собираться домой пораньше. Часть из них уже успела улизнуть. Но Женя Круглова, к удовольствию Ключицына, оказалась на месте. Девушка сидела за столом, уткнувшись в экран монитора, и ухажера заметила ни сразу:

– Ты чего приперся? Мы, кажется, не договаривались. – Не слишком любезно встретила она кавалера.

– Предки на дачу с ночевкой уплыли. Поедем сразу ко мне. Выпалил Вадим.

– Тише ты, услышат. – Зашипела Женя и покраснела до ушей.

– Никто не услышит. У вас тут техника жужжит как в ульи. Давай, закругляйся скорее.

– Отстань, сразу не могу. Начальнику отдела убийств обещала посидеть после работы.

– И тебя Волков достал? – Вздыхнул Вадим и погрузился. В разрезе халата Женины грудки выглядели так заманчиво, а тут отсрочка свидания.

– А тебя-то чем Волков напряг? – Рассеянно поинтересовалась Круглова.

– Да не он. Вязов Димка из его отдела. На Большой Бронной один алкаш другому череп проломил. Вязов привязался, вынь да положь ему заключение. – Неожиданно Вадим замолчал и молчал довольно долго. Не поняв причины столь длительной паузы, Круглова отвернулась от экрана и взглянула на своего приятеля. Ключицын замер, уставившись в фотографии на ее столе.

– Ты чего, язык проглотил?

– С какой стати у тебя ее фото? – Вместо ответа сам задал вопрос Ключицын.

– Эту девушку Тимофей Николаевич и просил отработать. Зачем она ему? – Удивился Вадим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.